

Добровольцы

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ
ЮРИЙ ЕГОРОВ

Добровольцы

КИНОСЦЕНАРИЙ

Евгений Аронович Долматовский родился в 1915 г. в Москве. Творческий путь его начался рано. Первая книга стихов «Лирика» вышла в 1934 г. Вслед за ней появился сборник стихов «День» (1935 г.). В юности он выполнял многие задания комсомола, участвовал в строительстве первой очереди метро.

В 1937 г. Е. Долматовский закончил Литературный институт им. М. Горького.

В годы Великой Отечественной войны поэт ушел на фронт. Он пишет стихи, вошедшие в сборники: «Песня о Днепре» (1942 г.), «Стенная тетрадь» (1943 г.), «Вера в победу» (1944 г.).

Е. Долматовский — автор многих книг стихов, поэм, песен. Им написаны тексты песен к 50 кинофильмам («Они были первыми», «На дорогах войны», «Екатерина Воронина», «В добрый час!», «Ее большое сердце» и др.).

В 1956 г. вышел роман в стихах «Добровольцы». Е. Долматовским в содружестве с Ю. Егоровым написан сценарий «Добровольцы».

Государственное издательство

«Искусство»

Москва 1960

На фоне августовского серого неба появляется фанерная фигура метростроевца с перфоратором на плече, ставшая для целого поколения памятником эпохи. Этот памятник исполнен в кубистской манере, неровно выкрашен буро-зеленой краской.

И сразу возникает голос:

Меня обступают друзья и подруги,
Без них не сумел бы вести я рассказ
О жизни и смерти, любви и разлуке,
О трудной эпохе, взлелеявшей нас.

Булыжная улица, такая, какими были почти все улицы Москвы в 1933 году. Вдоль дощатого забора, одного из бесчисленных заборов, окружавших строительные площадки

первых пятилеток, вытянулась длинная изви-
листая очередь. Молодые люди в юнгштур-
мовках, в майках и футболках, в отцовских
кожаных куртках, в кепках, а иногда и в зим-
них шапках; девушки в стиранных-перести-
ранных платьицах, в косынках, из-под кото-
рых выбиваются выложенные по моде тех лет
челочки.

Эта панорама сопровождается комсомоль-
ской песней, которую потом мы еще не раз
услышим в картине.

Хорошо над Москвою-рекой
Услыхать соловья на рассвете,
Только нам по душе не покой,
Мы сурового времени дети.

Комсомольцы,
Добровольцы,
Мы сильны нашей верною дружбой.
Сквозь огонь мы пойдем, если нужно
Открывать молодые пути.
Комсомольцы,
Добровольцы,
Надо верить, любить беззаветно,
Видеть солнце порой предрассветной,
Только так можно счастье найти.

Поднимайся в небесную высь
Опускайся в глубины земные,
Очень вовремя мы родились,
Где б мы ни были, с нами Россия.
Комсомольцы,
Добровольцы...

Лучше нету дороги такой,
Все, что есть, испытаем на свете,
Чтобы дома, над нашей рекой
Услыхать соловья на рассвете.

Комсомольцы,
Добровольцы,
Мы сильны нашей верною дружбой,
Сквозь огонь мы пойдем, если нужно
Открывать молодые пути.
Комсомольцы,
Добровольцы,
Надо верить, любить беззаветно,
Видеть солнце порой предрассветной,
Только так можно счастье найти.

Песня звучит за кадром, поется нетороп-
ливо, задумчиво. Она как бы вводит в эпоху,
создает фон, на котором перед нами прохо-
дит галерея молодых и суровых лиц поколе-
ния 30-х годов — добровольцев-метростроев-
цев. Песня раскрывает их думы и чаяния,
предугадывает судьбы: эти-то всегда будут
на главном направлении.

Мы рассматриваем лица ожидающих и
приближаемся к крыльцу, над которым при-
креплен белый тетрадный листочек с кривой
надписью: «Медосмотр».

Узкие душные номера здания Лоскутной
превратились во временные кабинеты врачей
медицинской комиссии.

Коридор. Молодые парни в трусах проби-
раются среди других, еще не раздетых. Иные

уже одеваются, иные, торопливо скинув и швырнув на стул или скамейку штаны и рубашу, занимают свое место в очереди полуголых ребят, выстроившихся у дверей с табличками «Глазной», «Комиссия», «Ухо, горло, нос».

Взволнованный гул, порою нервный смехок выдают волнение ребят.

Первый комсомольский набор на строительство метро! Сюда пришли не по приказу — по велению сердца. И оно, сердце, кажется, сейчас выстукивает единый для всех тревожный вопрос: «Возьмут?! Не возьмут?!..»

Кто-то выскакивает из кабинета и, сдерживая радость, равнодушно бросает:

— Порядок!

А вот грустно и медленно одевается, сидя на стуле, паренек и, только жалобно вздохнув, провожает завистливым взглядом счастливых.

На потертом плюшевом диване сидят рядом три полуобнаженных парня; поеживаясь больше от волнения, чем от холода, ведут разговор:

— Ну, признавайтесь, ребята, боитесь? — спрашивает самый рослый и старший. Он крепкий, жилистый, на суховатом в оспинках лице светятся лукавинкой прозрачные голубые глаза.

— А чего бояться? — улыбается другой парнишка, могучий, плечистый, прямо богатырь русский, мускулы так и играют под загорелой кожей.

— Тебе-то, конечно, — горестно вздыхает

третий, сутулый, шуплый. — Да и тебе тоже! — кивает он старшему парню.

— А я беспокоюсь, — признается старший. — На Амур не успел. На Магнитке первую домну тоже без меня... На Днепрострой опоздал. А теперь вот, видишь, — первое метро!.. Кайтанов Коля, из Горловки, — протягивает он руку.

— Алеша Акишин, — представляется шупленький, тяжело вздохнув, и добавляет: — парикмахер.

— Уфимцев Слава, трудколония имени Горького, — протягивает крепыш свою руку в русалках и сердцах со стрелами. И, нагнувшись к ребятам, шепчет: — Тревожусь я! Мне семнадцать, года не достаёт.

— Соврешь там чего-нибудь, — успокаивает Кайтанов.

— Акишин! — вызывают из врачебного кабинета.

Акишин бежит к двери, а Кайтанов кричит вслед:

— Не робей! Держись упорнее! — и обращается к Уфимцеву: — Ну где нам для тебя недостающий годик добыть?

— Ох, возраст проклятый!

— Вот что! Вали все на детдом! Там документы всегда путают.

— Верно, — воспрянул духом Уфимцев.

А в кабинете доктора шумит маленький полуголый парикмахер Акишин;

— Я сам! Понимаете, сам! Добровольно! Меня никто не посылал! Я сам под землю, и я здоров! — наскакивает он на доктора.

— Послушайте, юноша, это шахта, и я не вправе вас пропустить, легкие слабые и нервы расшатаны.

— Где? — вдруг спокойно садится на стул Акишин. — Где расшатаны? Вот глядите. — Он закидывает ногу на ногу и со всей силой ударяет ребром ладони по колену.

Неожиданно доктор стукнул по акишинской коленке своим молоточком, и нога резко дернулась.

Оба молча смотрят друг на друга — доктор сочувственно, Акишин со слезами на глазах.

— Пустите меня под землю. Я здоровый.

— Странные люди, — пожимает плечами доктор, — зачем это надо?.. Под землю... На самое трудное дело...

Доктор садится за стол и берет в руки перо. Прежде чем написать решительный отказ, он еще раз долго, внимательно глядит на Акишина, задумался...

Г о л о с .

Он выслушал сотни сердец. Проходили Сквозь руки сухие и быстрые эти Шахтеры с отметками угольной пыли, Бежавшие в город кулацкие дети, Сезонники из Пошехонья и даже Искатели льгот и рабочего стажа. А нынче, растрепанны и глазасты, Пошли эти самые энтузиасты...

— Не годитесь вы, молодой человек.

— Не уйду! Все равно не уйду!

И столько воли и упорства в голосе Акишина, что доктор неожиданно для себя говорит:

— Ну ладно! Только теперь берегитесь, мы с вами в сговоре. Не подведите.

— Спасибо, доктор, спасибо!

Акишин пулей вылетает из комнаты.

Двор метростроевской шахты в центре Москвы. Неуклюжий копер, над которым возвышается фанерная фигура метростроевца с перфоратором на плече.

Из-за забора на шахтный двор как бы заглядывают со всех сторон здания и церкви старой Москвы. А на дворе этом — своя, особенная жизнь строительства: грузовики и трамвайные платформы принимают породу и увозят ее... Валяются бочки с цементом, угловые детали какого-то агрегата, который мы позже узнаем и назовем проходческим щитом. Около него возится несколько рабочих, ими руководит костлявый длиннорукий немец Макс — мастер, специалист из Германии. Из брезентовых толстых шлангов вырывается темная вода, откачиваемая из-под земли. Она просачивается тут же, создавая страшную грязь на площадке... Дошатые настилы и мостки, душевой барак, из дверей которого вырывается пар... В этот двор вписано и двухэтажное дошатое здание конторы.

На площадке немало людей, и все же она кажется пустынной. Для неопытного глаза ее трудовой порядок — это сплошной хаос.

Трое наших знакомых в совершенно новых брезентовых робах, еще не испачканных глиной, выходят из душевой. Они ступают осторожно и неуверенно — особенно это заметно по Акишину.

На них обращает внимание заместитель начальника шахты товарищ Оглотков, деловито проходящий по двору.

Идут по двору две девушки в больших не по размеру резиновых сапогах. Им не страшно грязь, ступают уверенно, не выбирая дороги. Они здесь явные хозяева. Увидели ребят, приснули смехом.

— Ой, новички!..

Кайтанова не смутишь насмешкой. Он глуховатым голосом спрашивает:

— Где здесь спуск в шахту?

— Пожалуйте сюда, — отвечает одна из девушек. Она показывает ребятам на вход в штрек, а сама с подругой важно становится в клеть и исчезает под землей.

Навстречу трем новичкам из шахты вылезает по скользкой лестнице шахтер лет пятидесяти. Это дядя Сережа.

— Пополнению привет!

И к Акишину:

— А с тобой мы уже встречались. Постой, где я тебя видел?

— Не знаю...

— Знакомое лицо...

— Вы ко мне стричься заходили на Таганке. Я вас под полечку стриг. У вас еще шрам на голове. Сабельный!

— Да... опять оброс, как поп... Значит, бросил интеллигентную профессию — и в шахтеры?..

— Ясно! — отвечает Акишин, храбрясь...

Черная бездна разверзлась перед тремя друзьями. Мокрая лестница исчезает где-то в этой глинистой дыре. Один за другим спускаются новые шахтеры. Акишин вскрикнул, чуть не сорвался. Железная рука Кайтанова подхватывает его и ставит на землю: трое новичков оказываются в штольне. Все им здесь незнакомо и ново. Уфимцев и Акишин присматриваются, один Кайтанов чувствует себя уверенно. Мгновение поразмыслил — куда идти дальше — и повел за собой друзей в глубь штольни как будто с рождения знакомой дорогой. Ребята идут прямо по шпалам, прижимаясь к глыбистым земляным стенам шахты, когда откатчики с грохотом прогоняют по рельсам вагонетки.

Забой... Проходчик в глубине...

А командует здесь, оказывается, та бойкая девушка, которая только что указала им, где спуск в шахту, — Леля. Кайтанов подходит к воткнутому в землю отбойному молотку. Оперся на него. Молоток вздрогнул, словно огрызнулся. Леля резко осаживает кайтановскую прыть:

— Не берись не за свое дело!.. Вот что, мальчишки. Я вас сначала на откатку поставлю. Вот так, лопаточкой нагрузите вагонеточку— поехали. Вот так...

Акишин петушится:

— Вы не имеете права! Нам сказали, что мы будем проходчиками.

— Тут я начальница.

Уфимцев пытается включиться в разговор:

— Мы не для того добровольцами пошли!..

— А если не для того, можете добровольцами и уйти отсюда. Обойдемся без вас — в комсомольском комитете еще пять тысяч заявлений!

И только Кайтанов полупрезрительно смотрит на Лелю.

— Мы, детка, на всякое дело готовы! Откатка так откатка.

И берется за лопату.

И пошла работа.

Стучат отбойные молотки, сыплется на железный лист порода.

Расступаются недра Москвы, распахивается вековая история древнего города: тут и остатки каменных стен, и обрывки ржавых цепей, и черепки старинных причудливых глиняных сосудов, и даже кости черепов... Покорно и лениво отваливаются под напором проходчиков пласты девонской глины.

Трое друзей нагружают вагонетки, с натугой катят их к стволу шахты, ставят в клеть, принимают порожняк — и снова скорее бегом

к забою. И откатка оказывается делом нелегким и нужным.

Г о л о с .

Мы сразу привыкли в труде торопиться,
Как бы возводя бастион перед боем,
Как будто должны перегнать за границу
Сейчас же, вот здесь, где мы дышим и
строим.

Выбивается из сил Акишин. Уфимцев и Кайтанов помогают ему, стараясь это сделать так, чтобы он не заметил. Могучий Слава играючи обращается с вагонетками: соскочат колеса с рельс — он без рычага, плечом подденет, поставит на место, можно катить дальше.

А на подходе к клетке, подавая звонки наверх, сидит сигнальщица — мы ее видели недавно с Лелей на шахтном дворе. В отличие от сильной и угловатой Лели она тонка и хрупка, и это видно, несмотря на ватник и спецовку. Славка заглядывается на нее, а она смущается, отводит глаза. Славка посуровел, как будто от новой внезапной заботы. Ее нетрудно угадать, эту новую заботу: поскорее отогнать порожняк и поскорее же прикатить вагонетку с породой, чтобы встретиться с этой девушкой снова...

Бегут, бегут вагонетки. Тяжелый труд.

Кончилась смена, шатаясь вошли ребята в душевую, и Акишин, конечно, заснул под душем, убаюканный щебетом водяных струек. Друзья выносят его, сонного, из душа, вытирают, на ходу одевают.

И вот уже мы видим всех троих, спящих богатырским сном в общежитии. Акишин мечется во сне, Кайтанов заснул в позе бегуна, а Уфимцев спит, причмокивая губами, как ребенок.

Бегут шахтерские смены — спускаются дурья в шахту и днем, и ночью, и вечером, и на рассвете.

Вот странность: спустишься днем, а глянешь вверх из узкого колодца, и в небе видны звезды.

— Спускались днем, а пока спустились, звезды зажглись, — удивляется Акишин.

— Закон природы, — безапелляционно констатирует Кайтанов.

Ребята ставят крепления. Два проходчика — кулацкие морды — воткнув в породу молотки, сидят и равнодушно наблюдают за тем, как горячо работают добровольцы. Глядя, покуривают. Акишин задирает их:

— Чего не работаете?

— А куда спешить, много земли наковыряешь — враз норму повысят.

Кайтанов и Уфимцев решительно подходят к отбойным молоткам. Ударили дружно, посыпалась земля, отваливаются глыбы. Кайтанов приказывает лодырям:

— Гоните породу к стволу!

— Чего командуешь?

— Гоните, а то шею наломаю...

Уфимцев за спиной Коли внушительно расправляет плечи. Бывшим горе-проходчикам приходится повиноваться. Кайтанов говорит

Акишину, который собрался было тоже катить вагонетку:

— А ты останься. Крепи за нами.

Когда Акишин, мучительно напрягаясь, ставит крепление, ему осторожно и незаметно помогает Уфимцев.

Леля, придя в забой, обнаруживает, что ее подчиненные здорово рубают породу.

— Вот так, лопаточкой нагрузите вагонетку — и поехали, — властно говорит Кайтанов, снисходительно подавая Леле лопату, словно здесь уже он главный.

Леля явно обижена.

Появляется заместитель начальника шахты Оглотков. Леля хочет ему пожаловаться, но не успевает этого сделать.

— Орлы! Молодцы! — фальшиво восторженным тоном говорит Оглотков, а сам не добродушно смотрит на ребят.

Похлопал Акишина по плечу и скрылся во тьме штольни. Юность легко отличает душевность от фальши. Нахмурился, смотрит вслед Оглоткову Кайтанов.

Прошел год... У входа в шахтный двор, на площади большая клумба. Около нее, оглядываясь, ходит Маша. Убедившись, что никто за ней не наблюдает, она торопливо обрывает тюльпаны. С трудом спрятав под брезентовой курткой огромный букет, теряя на бегу цветы, Маша скрывается за воротами.

Под землей, в штольне, большое оживле-

ние. Сегодня сбойка. Всего метр-два, не больше, земляной перемишки отделяет два идущих навстречу друг другу туннеля. Сегодня они встретятся. Макс, по-праздничному в белом воротничке и галстук под спецовкой, идет к забою. С ним Акишин.

Акишин. Товарищ Макс, а когда будет мировая революция?

Макс. Не скоро, Алеша.

Алеша. А как сделать, чтобы она была скорее?

Макс. А вот мы с тобой это и делаем здесь...

Акишин, не совсем понимая, пожимает плечами.

В забое необычайное оживление, шум, спор. Кайтанов, Уфимцев, Акишин пришли на работу: сейчас начинается их смена. Но бригада, у которой они должны принимать рабочее место и инструмент, не хочет уходить.

— Вот мы сбойку проведем, тогда и сдадим вам смену,— говорит Кайтанову дюжий проходчик.

— Мы сами с усами... — ворчит Кайтанов, пытаюсь отобрать у проходчика отбойный молоток.— Отдай!

— Подожди!

— Отдай молоток сейчас же! — вопит совсем не по-начальнически Леля, бросаясь на проходчика.

Уфимцев уже одолевает второго проходчика при помощи Акишина. Это уже потасовка, едва ли не драка. Но в опасную минуту из

гумы штольни появляется дядя Сережа. Он кричит:

— Что тут за драка, подземные черти?! — и, проявляя недюжинную силу, разнимает расходившихся ребят: — Я тоже умею. Уж стукну так стукну — не поднимешься! В чем дело?

— Сбойка выпала на нашу смену, а они не хотят молотки отдавать,— жалуется Акишин.

— И правильно! Им тоже охота сбойку на себя взять. Оставляйтесь все. Тут всем дела хватит. И юнцы тоже. Они же добровольцы, пускай атакуют! Пора за работу. Слушайте, тихо.

В забое стихает, и мы слышим далекий глухой стук: это удары отбойных молотков проходчиков, идущих навстречу.

Приближается торжественная минута. Уфимцев подает Кайтанову отбойный молоток как старшему, как другу, как командиру — естественно, просто и безусловно.

Кайтанов врезается пикой отбойного молотка в девонскую глину, крепко нажимает плечом. Сыплется порода, молоток неожиданно подается вперед и как бы проваливается. Возникает пролом. В глаза ребятам ударяет яркий свет. Видна перспектива встречного туннеля. Быстро расширяется отверстие в забое, в дыру протискиваются проходчики, поздравляют друг друга, обнимаются, похлопывают друг друга, что-то кричат.

Голос.

Потом, пробившись в Сталинград, Я вспомню радость двух бригад,

Объяты метростроевцев,
И так же будет с Волгой Дон
Когда-нибудь соединен,
Как нынче штольни сходятся.

Появляется Маша с цветами. Кайтанов, важно улыбаясь, протягивает руку за букетом, но Маша отдает всю охапку цветов Уфимцеву.

В это время в забой вбегает Оглотков. Он в гневе.

— Кто в сквере оборвал клумбу?

Все молчат. Маша потупила глаза. Оглотков орет на ребят:

— Уголовники!

Праздник явно испорчен. Но дядя Сережа, по-молодому сверкнув глазами и подмигнув, подходит вплотную к Оглоткову, заслонив собой ребят.

— Это я ребятам нарвал цветочков! У них сегодня праздник. Пришли поздравить — поздравляйте, спасибо. А нервничать нечего.

И наступает грудью на Оглоткова. Тот пятится, поворачивается и ретируется.

А все-таки праздник испорчен. Огорченные и несколько растерянные, ребята смотрят Оглоткову вслед.

В дощатых бараках за Москвой-рекой живут метростроевцы.

В одной из комнат мужского общежития — Николай Кайтанов, Алеша Акишин и Слава Уфимцев.

Над койкой Акишина висят здоровенные боксерские перчатки и плакат, изображающий календарь с памятным лозунгом первой пятилетки: «5 в 4».

В головах у Кайтанова фотография — пожилые люди в шахтерской одежде на фоне террикона.

А на стене, у которой спит Слава, прикреплен огромный сине-белый плакат, на котором бравый юноша, приложив козырьком руку ко лбу, смотрит куда-то вверх на самолеты и белый волнистый след за ними, образовавшийся надписью: «Комсомол — на самолеты!» Рядом с плакатом на гвоздях — шлем с очками, летные перчатки-краги и гитара.

Сами хозяева коек заняты сложным делом. Вывалив на одеяла червонцы и тридцатки, они планируют получку.

— Всю премию старикам отошлю, — отложил Кайтанов пачку денег.

— Верно, — кивнул Акишин, — а я на эти деньги отправлю маму лечиться. В Ессентуки.

— Это на жратву, — Слава сунул несколько бумажек в карман. — А это на цирк и другие культурные мероприятия! — он кинул деньги на тумбочку у кровати.

Туда же положили деньги Акишин и Кайтанов.

— Куда сегодня пойдем? — спросил Акишин.

— Как — куда? — удивился Слава. — Договаривались — в кино! Надо цветное поглядеть.

— Нет, товарищи,— возразил Акишин.— Я сам читал критику в газете: с приходом в кино звука, а теперь и цвета картины смотреть невозможно.

— Критики, они выдумают... А ты «Путевку в жизнь» смотрел? То-то... «Кукарача» тоже красиво.

— Лучше пойдем оперу слушать,— предложил Акишин.

— С ума сошел! — отмахнулся Уфимцев.— В кои-то веки выходной день, и губить? Ни за что!

Акишин обернулся за поддержкой к Николаю:

— А ты чего, бригадир, молчишь?

— Вот что... Сегодня я занят.

— А кино? — оторопел Уфимцев.— Я уже билеты взял.

— Мой продашь и купишь Лешке мороженого,— отрезал Кайтанов и начал одеваться.

— Та-а-ак...— протянул Слава и, переглянувшись с поникшим сразу Акишиным, молча снял со стены гитару. Перебрав струны, тихонько запел «Комсомольцы-добровольцы».

Акишин улегся на койку, уставился в потолок.

Кайтанов под молчаливое негодование друзей, отчаянно мучаясь, пристегивает пикейный воротничок.

— Где наш галстук? — спросил он.

Акишин, не глядя на него, пошарил рукой под подушкой, а Слава отцепил от гитары за-

вязанный вместо ленты галстук и молча швырнул его бригадиру.

Кайтанов вслед за галстуком натянул на плечи отцовскую кожаную куртку, взял фуражку, потоптался, хотел что-то сказать друзьям, но Слава поет, а Акишин рассматривает что-то на потолке, и Коля Кайтанов, бригадир и закоперщик, впервые нарушая сложившийся порядок— никогда не расставаться,— пошел к выходу, сутулясь, виновато, боясь оглянуться.

Когда он вышел, Слава прервал песню, помолчал, задумчиво провел по струнам гитары пятерней, взял замысловатый аккорд и пропел:

— «...Нас на бабу променял!..»

И, видимо, разделяя эту точку зрения, фанерный метростроенец сурово глядит с высоты на тоненькую Лелину фигурку, неуверенно шагнувшую навстречу Кайтанову.

— Здравствуй.

Бредущие мимо два старых и седых интеллигента с мягкой улыбкой взглянули на них.

— Свидание,— вздохнула старушка.

— Свидание...— тихонько, как эхо воспоминаний, отозвался ее спутник.

— Дворянские понятия,— буркнул зардевшийся Кайтанов.

А Леля, исподтишка взглянув на строгого фанерного метростроителя, независимо сказала:

— Кайтанов, поедем в Сокольники?

— Далековато...
— Поедем! — решительно блеснула глазами Леля.

Трамвай № 6. Тяжелой гроздью висят на подножках пассажиры.

Уже на ходу привычной хваткой вцепились в ручку трамвая Кайтанов и Леля.

Он держит ее, почти обнимая.

Остановка. Народу все меньше.

Снова вперед. И так получилось, что ее висок совсем у его губ, ей кажется — задержись этот миг навеки, она бы летела, летела, замирая душой, прикрыв глаза, ловя его дыхание, приныкая к его могучему плечу.

Еще остановка. В трамвае пусто, и можно войти. Но они висят на подножке обнявшись.

Сейчас, вот сейчас он скажет то самое главное слово...

— Граждане, очистите подножку! — Голос кондукторши резок и груб.

Влюбленные вздрогнули и поднялись на площадку.

— Хулиганство наводят, — не унимается кондукторша, — в трамвае пусто, а они — видишь! А еще парочка!

Кайтанов так зыркнул на кондукторшу глазами, что она вдруг икнула и притихла, бормоча что-то вроде: «А я что, я ничего...».

Промчался встречный облепленный людьми трамвай.

— Да, — раздумчиво произносит Кайтанов, — метро обязательно необходимо.

— И как можно скорее, — с ненавистью глянув на кондукторшу, сердито бросает Леля. — Целый час до Сокольников ехать!

Ажурные ветви кустов и деревьев...

И весенний закат...

Торжественно, тихо идут они рядом...

И алый платочек на голове у Лели...

Г о л о с.

Красный платочек!

Он был нам дорожке уборов богатых,
Приметой эпохи лоскут кумачовый,
Короной рабфаковок и делегатов
И маленьким знаменем женщины новой.

Коля шагал рядом в отцовской кожанке из старой потертой, разохшейся кожи.

Г о л о с.

Они заблудились меж просек оленьих
Под сенью берез и весенних созвездий.
Влюбленные завтрашнего поколения,
Как просто вам будет в Сокольники
ездить!

И новая юность поверит едва ли,
Что папа и мама здесь тоже бывали...

Леля доверчиво прислонила голову к плечу Кайтанова...

В общежитии Алеша Акишин, не раздеваясь, сидит на койке, забившись в угол. В руках у него многотиражка «Ударник метро».

При тусклом свете раннего утра он разглядывает дорожное сердцу лицо любимой, портрет которой напечатан под надписью: «Равняйтесь на нее!» Это Леля, смеющаяся и озорная.

А в это время она, счастливая и серьезная, идет об руку с Кайтановым мимо сонных дворников по утренней Мясницкой.

Прохладно, а небо все голубеет и голубеет, вот-вот брызнут первые лучи солнца. Леля вопросительно смотрит на Кайтанова, но Николай упорно молчит. Леля решилась:

— Кайтанов, мне снится, что так вот всю жизнь мы шагаем с тобою.

Г о л о с .

И вдруг словно ливня веселые струи,
Как майская буря, как солнечный

праздник,

Ее закружили его поцелуи!

— Не надо, не надо, — шепчет Леля.

— Не надо!

А Коля целует ее уже в Охотном.

— Не надо! —

Это уже на Волхонке.

— Не надо! — шепчет она и целует в ответ под все тем же строгим фанерным чело-
веком с перфоратором в руках.

Окна общежития совсем посветлели. Утро в разгаре. Грустит Акишин, поглядывает то в окно, то на пустую койку бригадира.

Всхрапнул и проснулся Славка Уфимцев.

— Ура! — закричал он спросонья.

— Ты что? — испугался Алеша.

— Черт его знает, такое снилось... — Славка прыгнул с постели. — Ребята где?

— На смене.

— А Колька?

— Не приходил.

— Понятно!.. Газетка? — схватил он с подушки Акишина газету с портретом Лели.

— Не смей! — кинулся на него Акишин, с неожиданной силой повалил на кровать, вырвал газету.

— Ты чего психанул? — изумился Уфимцев. — Все слабонервные какие-то! То ли дело мы, учлеты! — Самодовольно и с нежностью погладил он плакат, на котором парень смотрит из-под ладони на самолеты в светло-голубых небесах.

Так же из-под ладони теперь уже сам Слава Уфимцев смотрит на учебные прыжки с самолета на аэроклубовском аэродроме.

Они с Машей сидят на песчаном обрыве к реке, у границы летного поля. Оба в учлетовской форме, в синих комбинезонах с шлемами у поясов.

Невдалеке парит, опускаясь к земле, парашютист. Стрекочет над ним «У-2».

— Красиво! — сказал Слава.

— Не очень! Если так во время боя прыгать, пока до земли долетишь, — убьют и все. Нельзя раскрывать парашюта!

— Как это?

— А так, чтобы лететь, лететь, а раскрывать только у самой земли.

С уважением глядит на нее Уфимцев.

— Интересно придумано. Трудно, конечно.

— Надо пробовать!

— Фантазерка ты, Маша! Тебе-то, во всяком случае, в воздушном бою участвовать не придется.

— А я о тебе думала, — вырывается у Маши, и она густо краснеет.

— Чего это вдруг? — криво усмехается Слава.

— Нельзя разве? — дерзко, с вызовом говорит Маша и тут же смущается еще больше.

— Можно... — Славка кладет свою лапицу на ее маленькие пальцы, обирающие траву. Издалека доносится:

— Учлеты! К занятиям!

Слава и Маша вскакивают и бегут к ангарам.

В шахте уже видны плоды упорного труда: мы движемся к забою по готовому туннелю. Уже угадываются очертания подземной станции, на тележках-платформах везут мраморные плиты.

Но забой остается забоем. Та же рыжая глина, да еще подземные воды просачивают-

ся и льются, как дождь; до костей промокли шахтеры.

Во время перекура Акишин важно поясняет новичку:

— Ничего, поработаешь — постигнешь! Мы часто под этим дождичком: река над нами! Вот так!

— А потолок этот прочный?

— Еще бы! Мезозойские глины.

— Не опасно здесь?

— Наивный ты человек. Конечно, опасно! Знаешь, какие прорывы плывуна бывают?.. Но здесь все проверено!

Акишин небрежно ударяет ладонью по креплению, чтоб показать, какое оно крепкое. Это фамильярный и хозяйский жест.

И вдруг... крепление рушится. Со страшной силой выпирает жидкий зловещий пузырь плывуна. Рушатся земля и песок.

Новичок бежит назад, а Кайтанов, Уфимцев, Акишин бросаются вперед, пытаются остановить выход плывуна. Кайтанов срывает с себя спецовку, чтоб заткнуть ею дыру, а Уфимцев пытается собственным телом закрыть все расширяющееся отверстие. Летит на ребят песок, льется вода.

На помощь друзьям, изнемогающим в неравной схватке, сбегаются шахтеры — парни и девушки. Мы видим среди этих взволнованных лиц и посуровевшее лицо дяди Сережи и резкие морщины Макса.

Плывун остановлен. Авария ликвидирована, катастрофа предотвращена. Леля волочит

потерявшего сознание Кайтанова. Макс помогает идти Уфимцеву. И только Акишин идет сам, и ему даже несколько неловко, что он не очень пострадал. Ему хотелось бы, чтоб это его, разбитого и несчастного, Леля, любимая Леля несла на руках...

В медпункте шахты лежат Кайтанов, Уфимцев и Акишин. Кайтанов весь в бинтах, Уфимцев с громадным синяком под глазом. Акишин более или менее цел. Он попал сюда, по-видимому, за компанию.

Из-за дверей слышны крики. Ребята встревожены. Они узнают голоса Лели и Маши. Леля скандалит:

— Пустите нас!

— Нельзя. Доктор самого начальника шахты не пустил.

— А нам можно!

— Почему это — можно?

— Я жена бригадира, а это сестра Уфимцева.

Уфимцев приподнимается на кровати:

— Ребята! Это Лелька! Что она там мелет?

Кайтанов прислушивается к голосам за дверью и, преодолевая боль, тихо, проникновенно говорит:

— Не знаю, годится ли тебе Маша в сестры, но женой мне Лелька станет.

Акишин вздрагивает: эта фраза прозвучала как приговор его любви. Он сник и, чтобы никто не заметил растерянности на его лице, поспешно отворачивается к стене.

Врываются Леля и Маша. Леля бросается к Николаю, целует его.

Маша стоит около Славы, быстрым шепотом сообщает:

— Завтра на аэродром. Первый прыжок.

— Я тоже буду.

— Тебе лежать надо...

— Буду... Когда прыжки?

— В десять!

— В девять встретимся на обрыве, на нашем месте.

— Да как же ты?

— Сказано. Все!

— Тебя все равно не допустят.

— Посмотрю, как другие прыгают. И ты ведь.

— Мне на смену пора.

— Иди, Машенька.

Маша уходит.

Входит доктор, наш старый знакомый. Он осматривает Кайтанова.

— Дня три придется полежать.

Переходит к Акишину.

— А вы идите домой.

— То есть как — домой?

— Вы совершенно здоровы. И вообще вы прелесть как возмужали, молодой человек!

Акишин нехотя одевается. Доктор принимается за осмотр Уфимцева. Сердито качает головой. Видно, что дела Уфимцева не блестящи и ему придется еще полежать в постели.

А те, кто на земле, волнуются:

— Что случилось?

— Почему не открывает?

А Маша все летит и летит, не открывая парашюта.

— Кольцо!.. Ну, кольцо!.. — не выдерживает инструктор.

Свистит ветер у Машиного лица. — Успею, успею, — шепчет она.

Все ближе и ближе белые ромашки.

Но Маша кричит себе:

— Еще немного! Еще!..

— Пора! — она тянет кольцо.

Но белое поле рванулось вперед и поглотило все... Только чернота кругом и горе... И музыка — горькая, тяжелая, надрывающая сердце.

Такая же, как глаза Славы Уфимцева.

Как неживая, тишина, и надпись на песке:

«Слава, любимый. Мария».

Г о л о с .

Не знает никто твоих помыслов смелых,
Рожденных в предчувствии первого боя.

Еще до Расковой, еще до Гастелло

Девчонка, десяток инструкций нарушив,

По мирному небу звездой пролетела,

Пылающий след прочертив в наших

душах.

Горечь первых утрат оставляет невидимые шрамы на лицах людей. Лица становятся грубее и резче.

Таким стало и лицо Славы Уфимцева, тя-

желю глядящего куда-то далеко в пространство времен.

— Горько! Горько! — пронзительно крикнул кто-то над ухом.

Слава вздрогнул и огляделся по сторонам.

За тесным свадебным столом в новой небольшой комнате друзья и приятели справляют свадьбу Кайтановых — Лели и Николая.

— Горько! — требуют они традиционного поцелуя.

И молодые неловко целуются.

Акишин не выдерживает, резко выходит из-за стола.

— Слава, сыграй! — протягивает гитару Кайтанов.

Уфимцев молча отстраняет гитару, с укором глядя в счастливые глаза друга.

«...Я кукарача, я кукарача», — зашипел патефон, и, толкаясь в углу комнаты, выходя в коридор, задвигались парочки.

Дядя Сережа и седоусый старикан, очень похожий на Кайтанова, стоят в сторонке. Старикан поколупал стенку, постучал по ней пальцем.

— Подходящая квартирка... Благодарствуем.

— Заслужили ребята, заслужили. Сын у тебя молодец... И Леся.

— Достойная девушка...

— Когда обратно в Донбасс?

— Да вот как свадьбу справим.

— Ну, со свиданьем.

— Со свиданьем, — чокнулись стаканами

старые шахтеры. Танцует, шумит вокруг молодёжь.

Сидит в углу трезвый, угрюмый Уфимцев.

— Слава, — окликаёт его захмелевший Кайтанов.

Леля дергает мужа за пиджак, но он нетерпеливо отмахивается.

— Слышь, Слава! Забуди! Давай выпьем!

Слава молчит, только желваки нервно задвигались на скуластом лице.

— Молчу. Все! — сразу притих Кайтанов.

А у Лели на глазах слезы.

Взахлеб, по-ребячьи плачет Алеша Акишин, прижавшись щекой к холодной водопроводной трубе в ванной комнате.

— Уеду, сбегу!.. На край света сбегу!..

Снаружи из коридора дергают дверь.

— Ребята, — говорит молодой метростровец, — с Алешей Акишиным, наверно, плохо. Полчаса не выходит оттуда.

— Не умеешь пить, не берись, — басит какой-то здоровяк.

В комнату вбегает запыхавшаяся девушка в рабочей робе:

— Товарищи! Лелька! Кайтанов! Скорее на шахту, скорее!

— Авария?! — сразу протрезвел Николай.

— Типун на язык! Первый поезд пускают, ждут гостей... Понятно?

— Понятно!..

Все дружно бросаются к дверям.

В праздничных одеждах и в грязных мокрых робах, смешавшись в шумную ликующую толпу, высыпали на перрон строители метро встречать первый поезд.

Сверкнув огнями и стеклом, он распахнул перед ними двери.

Все замерли. Кому войти? Кто первый?

Тогда Кайтанов и Леля, взявшись за руки, делают первый шаг, перед ними расступаются, молодые супруги первыми входят в вагон.

Это как сказка, как свершенная мечта, и они чувствуют себя невесомыми от внезапно нахлынувшего огромного, все растворившего в себе счастья.

Г о л о с.

Вновь, как всегда, Кайтанов и Теплова,

Вы первые на свете потому,

Что свадебного поезда такого

Еще не подавали никому.

Мчит поезд.

Гудит туннель... Мелькают зеркальные стекла. В них лица ребят.

Г о л о с.

Мы первые дорогу проложили

Здесь, в пловунах, среди кромешной

тьмы,

И, первые по праву пассажиры,

Подземною дорогой едем мы.

Прошло два года.

Комната Кайтановых. Все в ней аккуратно прибрано, но как-то потускнело, как бывает, когда в доме несчастье, о котором не говорят. Двухлетний мальчик Славик в колясочке, служащей ему и кроватью.

Леля, побледневшая и печальная, в домашнем халате, склонилась над чертежной доской, что-то вычерчивает на ватмане. Мы замечаем в Леле новые черты, которые ей придало материнство, она стала мягче, женственнее. Груда учебников и тетрадок рядом с детскими игрушками на письменном столе. Он — тоже новая деталь обстановки: этот стол совсем тесной сделал комнату Кайтановых.

На стене любительская фотография: Коля, Леля и Славка.

Что-то Леле не работается. Мальчик спрашивает ее:

— Где папа?

— Папа на работе!

А в это время по улицам бродит Кайтанов. Медленно идет он, заложив руки в карманы. Останавливается у каждой афиши, у каждого газетного стенда. Плакаты на стенах:

«Встретим XX годовщину РККА
новыми трудовыми успехами!»

Мальчишки гоняют голубей. Николай, как за звездой, следит за полетом турмана.

Мальчишки играют в орлянку. Кайтанов вынул свой пятиалтынный, пустил его винтом

и поймал: орел или решка? Явно неудовлетворенный результатом гадания, тяжело вздыхает, пожимает плечами, идет дальше.

Он подолгу стоит около чужих метростроевских шахт. С завистью смотрит на работающих людей.

Свою шахту он обходит.

Увидел на улице дядю Сережу, делает вид, что не заметил его, хочет уйти, но тот нагоняет Кайтанова. Не клеится разговор у дяди Сережи и Коли.

— Зашел бы на шахту.

— А чего мне там делать? Выгнали, а теперь зовешь.

— Я не выгонял.

— Ты смотрел да помалкивал.

— Что, новостей никаких нет? — старается дядя Сережа перевести разговор на другую тему.

— Все новости у вас. Славка пропал, Макс исчез, вот наши старые новости.

— Да, дела! А Лелька как... переживает?..

— Она не знает, что меня на шахту не допускают. У нее сейчас экзамены в академии... Так что — молчок!

— Понятно...

— Сработался ты с товарищем Оглотковым, — иронически замечает Кайтанов.

— Оглотков, может быть, знает такое, что и нам неизвестно... — мрачно отвечает дядя Сережа.

И опять дядя Сережа пытается перевести разговор на другую тему.

— Как Алеша Акишин? Письма есть?
Они стоят у плаката:
«Девушки! Поедем на Дальний Восток!»

Леля держит на руках сына. Он капризничает и кукуется. Она губами касается его лба.

— Что же ты заболел, сынка мой, а?.. Что же это с тобой?..

— Я не хочу спать... — хнычет Славик. — Где папа?..

— Не знаю, — тяжело вздыхает Леля, — не знаю... Нам говорит, что на работе.

Кайтанов все так же бесцельно бредет по улице. Его внимание привлекает реклама фильма «Мадрид сражается».

Он заходит в кинотеатр.

«Мадрид сражается» — вспыхивает на экране надпись под торжественные звуки «Испанского каприччио». Сменяя друг друга, проходят перед нами незабываемые кадры кинохроники испанских событий.

Народная армия в боях...

Интернациональная бригада...

Мадрид...

Воздушный бой...

И просто спокойный пейзаж Каталонии: ночь, луна и далекая тихая песня девушек.

И черно-белое изображение сменяется цветным.

Ночь. Луна. Далекая тихая песня девушек и самолеты на аэродроме.

Спиной к нам, прислонясь к шасси, сидит испанский летчик в кожаной куртке, в берете и тихонько наигрывает на гитаре ту же мелодию — песню девушек.

Умолкли девичьи голоса, и летчик окликнул кого-то:

— Хуан, Борес, Костес...

Из темноты к нему подошли Хуан, Борес и Костес — испанские пилоты. Но никакие береты, шапки с кисточками и даже национальные куртки не могут изменить эти симпатичные, такие разные русские лица и добрые глаза.

— А ну-ка, ребята, — сказал пилот с гитарой, — нашу комсомольскую! Только тихо...

Четыре головы склонились друг к другу, и Слава Уфимцев (так как пилот с гитарой и есть Слава Уфимцев) запел:

Хорошо над Москвою-рекой
Услыхать соловья на рассвете,
Только нам по душе не покой,
Мы сурового времени дети.

Комсомольцы,

Добровольцы,

Мы сильны нашей верною дружбой.

Сквозь огонь мы пойдем, если нужно

Открывать молодые пути.

Комсомольцы,

Добровольцы,

Надо верить, любить беззаветно,

Видеть солнце порой предрассветной,

Только так можно счастье найти.

Поднимайся в небесную высь,
Опускайся в глубины земные,
Очень вовремя мы родились,
Где б мы ни были, с нами Россия.
Комсомольцы,
Добровольцы...

Лучше нету дороги такой,
Все, что есть, испытаем на свете,
Чтобы дома, над нашей рекой
Услыхать соловья на рассвете.
Комсомольцы,
Добровольцы,
Мы сильны нашей верною дружбой,
Сквозь огонь мы пойдем, если нужно
Открывать молодые пути.
Комсомольцы,
Добровольцы,
Надо верить, любить беззаветно,
Видеть солнце порой предрассветной,
Только так можно счастье найти.

Лелька продолжает песню над коляской
маленького Славы. Она поет эту задорную
боевую песню упрямо и зло, а по лицу ее те-
кут слезы.

Оглотков в своем кабинете. Нетерпеливо
ходит по диагонали из угла в угол, из угла
в угол. спрашивает у секретарши, не явился
ли откатчик, которого он вызывал.
— Он здесь, ждет.

— Пусть войдет.

Входит тот парень, который в первый свой
приход на шахту оказался свидетелем аварии.
— У вас когда комсомольское собрание?
Что думаете делать с Кайтановым? — спраши-
вает Оглотков.

— Не знаю.

— Кто ж за вас знать будет?

Комсомолец молчит. Как бы мимоходом
Оглотков спрашивает:

— Ты при аварии был?

— Был.

— А выводы для себя сделал?

— Какие выводы? Ухнуло все, посыпалось.
Страсть!

— Эх ты, политически мыслить надо!

— Это ведь давно было, три года прошло.

— А мы, шляпы, три года ушами хлопали!

Кто тогда в забое был, не помнишь?

— Кайтанов был, конечно. Уфимцев был,
еще маленький такой — Акишин, и немец
Макс.

— Так... Макс исчез первым. А что мы име-
ем в Германии?... Фашизм! Соображаешь? Ма-
ленький этот ваш на Дальний Восток удрал...
И Уфимцев скрылся. Соображаешь, какая кар-
тина вырисовывается. Кайтанов остался, ду-
мал — у нас память короткая. Шалишь!

Комсомолец растерян, обескуражен, подав-
лен. Он пятится к дверям.

— А международное положение сейчас
знаешь какое? — со значительным видом, буд-
то угрожая, произносит Оглотков.

А в небе Испании идет бой. Славка Уфимцев сбивает бомбардировщик с черными крестами на хвосте и крыльях. Но вражеские истребители подбивают Славкин самолет. Раненый летчик покидает горящую машину. «Мессершмитты» кружатся неподалеку — сейчас раскроется парашют, летчик беспомощно повиснет на стропях и можно будет без хлопот стрелять по нему, как по почти неподвижной мишени.

Но что это? Парашют не раскрывается, летчик камнем летит к земле... Славка совершил затыжной прыжок. В те мгновения, когда земля, быстро разрастаясь, надвигалась на него, в эти мгновения — нет в какую-то долю секунды — в его сознании промелькнуло: Маша. Ее слова. Ее затыжной прыжок... И перед ним раскрылся истинный смысл ее подвига. (На экране мы видим летящего к земле Уфимцева и быстро мелькающие кадры его воспоминаний.)

Г о л о с.

За этот срок, предельно малый,
Он понял — бедный мой дружок,
Ведь ты тогда меня спасала,
Нарочно затянув прыжок,
Как бы предчувствуя, предвидя
Прозреньем сердца своего
Путь добровольцев, бой в Мадриде,
Налет пяти на одного.

Слава лежит на каменистой земле Испании. Он ранен, глаза его полужакрыты. Кре-

стьянин заметил место падения летчика и спешит туда, тянет за собой на поводу ослика.

Из укрытия в скале спешит туда же высокий костлявый человек в шапочке с кисточками, обвешанный оружием. Крестьянин и этот человек склоняются над Славой.

Слава встрепнулся, рука его тянется к пистолету. Но человек говорит ему тихо:

— Товарищ Уфимцев! Товарищ Слава!

И Слава в ответ шепотом:

— Макс...

Макс и крестьянин торопливо пристраивают раненого товарища на ослике. Места здесь опасные, фалангисты рядом. Надо скорее уходить. Пули свистят в долине.

Уфимцева увозят по горной тропе. Макс прикрывает его, отстреливаясь из маузера.

Сухо стучат выстрелы.

Так же сухо стучат по фанерному столу костяшки пальцев председателя комсомольского собрания. Оно происходит в недостроенном станционном туннеле. Сидят притихшие ребята, положив на колени руки, тяжелые, словно гири. Перед аппаратом проходит галерея парней и девушек, мы по их лицам угадываем, что на душе у них тяжело и тревожно. Насупился дядя Сережа, с непроницаемым лицом сидит в президиуме Оглотков.

Около Кайтанова места на скамье оказываются свободными, и это подчеркивает его тяжелое положение, его одиночество.

Выступает тот самый комсомолец, который был на приеме у Оглоцкого. Он говорит:

— На шахте в то время орудовал немец Макс — ближайший друг Кайтанова. А мы с вами ушами хлопали. После аварии все участники разбежались. Пусть Кайтанов ответит нам, где Уфимцев. И пусть расскажет о своей связи с исчезнувшим немцем Максом.

Лелька склонилась над больным ребенком. Лекарства валяются у нее из рук.

Звонок в дверь. Входит молодой голубоглазый крепыш в кожаной куртке на молнии. Он явно с дороги, в руках у него клетчатый чемодан.

— Могу я видеть товарища Кайтанова?

— Его нет дома. Я его жена.

— Вы Леля?

— Да. А откуда вы...

— Тогда, может быть, вы письмо примете? Это товарищ Уфимцев просил передать.

Леля бросается к пришедшему, почти вырывая у него из рук длинный конверт. Вскрывает письмо, читает. Радость и тревога сменяются на ее лице: «Славка! Макс»

В это время маленький Славик зовет жалобно: «Мама»!

— Товарищ, — задыхаясь говорит Леля, — что мне делать? Мне надо Николая спасти! Мальчик болен, видите. Посидите с ним, я сбегаю только письмо это покажу.

— Знаете, откуда это письмо? Его нельзя показывать.

— Его нельзя не показать, — отвечает Леля.

— Я на поезд спешу. Я воронежский, дома год не был.

— Миленький, ничего, посидите.

— Меня мама на вокзал придет встречать.

— Посидите! Мама подождет... Завтра поедете! Сидите! — И Лелька убегает.

Растерянный летчик остается посреди комнаты.

Комсомольское собрание раскалено до предела. Это видно по лицам его участников, по растерянному лицу дяди Сережи и окаменевшему взгляду Кайтанова.

Ведущий собрание говорит:

— Вопрос, по-моему, ясен, товарищи. Объяснения бывшего начальника смены Кайтанова о том, что он ничего не знает ни о Максе, ни об Уфимцеве, но верит им, нельзя признать удовлетворительными. Давайте приступать к голосованию. Кто за то, чтобы... Формулирую... за связь с известным фашистом Максом — раз... Формулирую...

В это время у входа, где скопились опоздавшие и те, что собирались ускользнуть в коридор покурить, раздается женский требовательный возглас:

— Да пустите же!

Леля пробирается в зал, расталкивая комсомольцев. Почти испуганно смотрит на нее Кайтанов — что она сейчас натворит?

А она подбегает к столу президиума:

— Дайте слово!

Председатель собрания возмущен нарушением ритуала.

— Не мешайте нам работать, товарищ Теплова.

— Это в шахте работают, а вы сейчас не работаете, а человека губите!

— Итак, приступаем к голосованию. Есть одно предложение.

— Знаем твоё предложение. Погоди.— И Леля уже стоит спиной к президиуму, лицом к залу. Леля сама берет себе слово.

— Товарищи! Что с вами? Один подлец пустил клевету, а сотни честных заболели. Как зараза какая-то! Вы что, Кайтанова не знаете? Доброволец! Вожак! Едва жив остался, а шахту спас. Мы же с него всегда пример брали!.. Не с него,— гневно указывает она на председателя собрания,— а с него, с Кайтанова! Чего потупились? Дядя Сережа! Взгляните на с Колей в глаза. Мы верим в вас, как в свою совесть, чего же вы молчите?! Кайтанова вредителем объявляют, а вы молчите?! А я не позволю его тронуть! Как друг, как жена, как комсомолка я говорю вам всем — мне стыдно за вас, обидно за это поветрие клеветы! Славу Уфимцева чернят! Макса фашистом назвали. Не смейте судить наугад о людях! Мы эти-ми товарищами гордиться должны!

— Поосторожней, Теплова,— прерывает её председатель.— Мы на факты опираемся.

— Кто это — мы? — гневно, обличающе не говорит, почти кричит Леля.— И кто вам эти

фактики сочиняет? Вот факты! — Высоко над головой подняла она письмо. — Макс и Слава в Испании! В интербригаде. Бьют фашистов! Читайте, дядя Сережа. А если и ты нам не веришь, то выгоняйте и меня заодно с Кайтановым. Его жизнь для меня пример, и я иначе не понимаю!

И собрание прорвало:

— Развели бадягу вокруг лучших парней!

— Читай письмо!

— Даешь письмо! — кричат все разом.

Леля садится рядом с Кайтановым. Он берет ее за руку и, пряча нежность, тихонько говорит:

— Лелька, ты сошла с ума!

— А как же я могла иначе?

Дядя Сережа тяжело шагнул вперед.

— Мы очень виноваты перед Кайтановым.

И я тоже. И мне, старому человеку и коммунисту, не стыдно перед ним извиниться за то, что я так долго молчал.

Опять разом загудело собрание:

— Пусть ответят, кто придумал эту ложь!

Оглотков трусливо отводит глаза, стараясь показать, что он тут вовсе ни при чем.

Г о л о с .

Комсомольское собрание,
К правде ты всегда придешь!
Я люблю твоё молчанье,
Обожаю твой галдеж.

Верю я в суровость,
В чистоту твоей любви,

Понимаю с полуслова
Резолюции твои...

К платформе станции метро «Маяковская» подкатил поезд. Вышли люди, деловито столпились у входа на эскалатор. Но один важный пассажир, похожий на иностранца, в пушистой цигейковой шубе, с чемоданом в ярких наклейках отелей чуть ли не всего мира, опираясь на палку, украшенную монограммами, медленно побрел по перрону, осматривая станцию. Это Слава Уфимцев.

В конце станции стена из досок. Строительство не завершено, и за стеной идет работа — слышны постукивания пневматических молотков.

Уфимцев отыскивал щель в доске, как любопытный мальчишка прижался к ней бровью.

Мимо него прошли два метростроевца, усмехнулись:

— Интересуется иностранный-то!

— Ничего, пускай поглядит, как это делается. Поучится. Тоже полезно.

Слава неотрывно смотрит в щелку. Он увидел Кайтанова. А вот и Леля. Она за что-то распекает мужа, тот отругивается, только и слышно:

— Товарищ начальник смены!

— Нет, товарищ инженер, я на это не пойду!

— Ну вот что, товарищ Кайтанов, если сами не понимаете, тогда я вам приказываю, — неожиданно очень спокойно, даже несколько

нарочито растягивая слова для вящей убедительности, заговорила Леля. — Тогда будем говорить строго официально. — И, внезапно сорвавшись на крик, заорала: — Делай что я тебе говорю, и весь разговор!

— Завтра подаю заявление о переводе на другой участок, — закипел Кайтанов.

— Отойдем в сторонку, — сразу притихла Леля.

Они остановились у стены, как раз у самой щелки, в которую теперь видны только их лица.

— Ты что это надумал?

А Кайтанов ворчит сердито:

— Семейственность какая-то! Не дело, чтобы жена и муж вместе работали.

— Ну да! Особенно если она начальник, а он — подчиненный, — не удержалась от ехидного замечания Леля.

— Не в этом дело... — уклонился от ответа Кайтанов.

Уфимцев не выдержал, прижавшись к щелке губами, он растроганно и умиленно гудит:

— Ребята!

Кайтановы замолчали, оглядываясь.

— Здорово, ребята! — и Уфимцев тихонечко пропел:

Комсомольцы,
Добровольцы,
Мы сильны нашей верною дружбой...

— Славка! — Леля прижалась к щели.

— Славка! Будь я проклят, Славка же! —

Отталкивая ее, Кайтанов пристраивается к щелке.— Живой!

— Живой. А вы как?

— Ругаемся! — восторженно сообщает Леля и тянет губы сквозь щелку.— Давай целоваться!

— Не дотянуться...— Славка поцеловал все-таки доску у щелки и, просунув палец в щель, потыкал им в Лелькин нос.

А Кайтанов уцепился за палец друга так, что Славка завопил:

— Пусти, бандит! Оторвешь!

Два метростроевца с недоумением смотрели на приплясывающего у дощатой стены иностранца.

Комната Кайтановых. Уже поздно. Спит сын, а взрослые сидят, не замечая времени. На столе иностранные пузатые бутылки. Все уже съедено, все уже выпито. Николай пристроился на тахте, положив голову на колени жены.

Славка Уфимцев в тонкой замшевой куртке, на которой золотятся боевые ордена.

Друзья снова вместе. Они молчат, вспоминают и думают под нежную мелодию далекой Каталонии. Слава наигрывает ее на гитаре, а Леля тихонько мурлычет.

— Прекрасный народ,— говорит Слава, не прерывая песни,— гордый, смелый...

— А испанки? — лукаво спрашивает Николай.

Слава ничего не отвечает, только хмурится и невольно переводит взгляд на стену, откуда с большой фотографии смотрит на него Маша.

А Леля легонько стучит согнутым пальцем по лбу Николая и безнадежно машет рукой.

Помолчали.

Кайтанов, словно отвечая на какие-то свои мысли, говорит:

— Вернешься на работу, попадешь к Лельке — погиб! Начальница...

— Я не вернусь. В армию прошусь.

— Не пушу,— возражает Леля.— Нам сейчас в метро такие мастера нужны.

— Узковато смотришь,— прерывает игру на гитаре Уфимцев.— Поуспокоились вы, ребята. А в Мадриде — итальянцы, в Китае — японцы, фашисты Германию под ружье поставили... Сам видел. Готовятся. И нам с вами пора беспечности-то предел положить.

— Неужели война будет? — спрашивает Леля.

— Да, Лелечка, да. Будет. И думаю, что скоро.

И тут же Леля старается накрыть телефон подушкой, потому что он истерически затревожился. Потом она берет трубку.

— Вас вызывает Владивосток,— говорит чей-то голос.

— Алешка! — радостно вскрикивает Леля и несколько смущается своей радостью.

А на другом конце провода в провинциальной переговорной будке переминается с ноги на ногу Алеша Акишин. Он хочет вложить в слова всю свою нежность к Леле, но, как всегда в таких случаях, разговор получается нескладный и неуклюжий.

— Это я, это я,— повторяет он.— Здравствуй, Леля.

Мы уже не видим ни Лели, ни Акишина, только голоса их, несущиеся над страной, над заснеженными сопками Забайкалья, над самыми старыми в мире Уральскими горами, над теми степями, которые через пятнадцать лет назовут целинными землями. Слова Лели и Акишина пролетают над нашей необъятной страной, над ее стройками... Сколько их! Заводы и поселки, шахты и мосты, плотины и дороги, Магнитка, Челябинка, Кузнецк.

— Как у Кольки дела?

— Все, кажется, обошлось. Оглооткова с шахты выгнали.

— Слава нашелся наконец?

— Вот он, трубку вырывает.

С л а в а. Алешка, малышка, как ты там?

А л е ш а. Ты где пропадал?

С л а в а. На юге, на курорте, загорел здорово.

Голос телефонистки: «Ваше время кончилось».

А л е ш а (умоляюще). Еще минуточку, плачу в тройном размере.

«Не могу», — жестко отвечает телефонистка.

А л е ш а. Слава, скоро приеду, поговорим.

С л а в а. Когда?

А л е ш а. Через годик.

Алеша Акишин стоит перед дверью квартиры Кайтанова, не решаясь позвонить.

Наконец нажимает кнопку звонка. Детский голосок спрашивает:

— Кто там? Мамы нету дома.

— Открой, Слава, это я, Акишин. Тебе мама обо мне не рассказывала?

— Нет, не рассказывала. А ты откуда? Не с фронта — от папы?

— А разве папа на фронте?

Славик впускает гостя.

Алеша чувствует себя здесь неловко. Правда, фотография на стене несколько придает ему уверенности.

— А папа давно на фронте?

— Они с дядей Славой как узнали, что война на Халхин-Голе, сразу взяли и уехали. Самураев бить.

— Та-ак. Значит, на войне... А мама тебе, значит, обо мне ничего не говорила... — задумчиво говорит Акишин. — Ну ничего, брат, мы с тобой сейчас играть будем. Хочешь?

— Хочу! — загорелся Славик.

— Тащи подушки. Мы сейчас такую баррикаду сделаем — никакие самураи не пройдут.

Акишин переворачивает два стула, снимает с дивана валик. Славик тащит подушку...

Колючие травы Халхин-Гола, сухая и жесткая земля Монголии.

Ночь...

Прижимаясь к земле, продираясь через проволочные заграждения, ползет Кайтанов. Он должен взорвать склады японских снарядов. Вот уже он около цели. Пулеметные очереди сбивают головки полыни, пули свистят совсем рядом, над головой Кайтанова.

До нас доносится японская речь.

Кайтанов изнемог, вероятно, он ранен. Из последних сил подтянувшись к самому проводу, он включает ток — и весь экран застилает грохот и черно-алое зарево взрыва.

Среди перевернутых стульев и раскиданных подушек, утомленные игрой, заснули взрослый Алеша и маленький Славик.

Стукнула дверь.

Акишин вскочил, спрятался за шкафом.

Вошла Леля, с недоумением оглядела беспорядок в комнате.

Акишин подкрался к ней сзади и по-мальчишески прикрыл ей ладонями глаза.

— Коля! — порывисто вскрикнула Леля, отняла руки от глаз и, узнав Акишина, внезапно прильнула к его плечу, заплакала навзрыд.

— Ну чего ты, чего? — засмущался Акишин. — Ну, я приехал!

— Лешка, Коля пропал...

Молчание.

Красная площадь. Спасские ворота. Тот час, когда солнце уже уходит за крышу Исторического музея и все предметы особенно четко вырисовываются, как бы очерченные голубизной воздуха.

Неподалеку от ворот стоит группа подростков. Это школьники-десятиклассники. Среди них выделяется высокая, красивая девушка с комсомольским значком — Таня.

Здесь же прохаживается Леля. Она одета наряднее, чем обычно.

Из ворот Кремля выходят люди с красными коробочками в руках, с орденами на груди.

Узбечка в пестром халате.

Профессор, награжденный, по-видимому, в связи с юбилеем.

Маленький скрипач.

Колхозники.

Школьники обмениваются нетерпеливыми замечаниями:

— Когда Герой какой-нибудь появится?

— Может быть, доярок пригласим?

— Нет, без Героя какой же выпускной вечер?

Герой наконец появился. Это Уфимцев. Он в летной форме, при всех орденах и с золотой звездочкой на груди. С ним рядом — Кайтанов, получивший свой боевой орден. Кайтанов замечает Лелю. Они бросаются друг к другу.

Леля целует мужа, сердечно поздравляет Уфимцева и тут же совсем по-девичьи хватается за его Золотую Звезду:

— Славка, ну дай посмотреть! Никогда в жизни близко не видела!

— Ну неудобно, потом, — смущенно басит Уфимцев.

Школьники неловко подталкивают друг друга: никто не решается первым подойти к Герою.

Наконец красивая девушка, та, которую зовут Таней, расхрабрилась, сделала шаг вперед:

— Товарищ Герой Советского Союза!

Уфимцев не оборачивается.

— Товарищ Герой Советского Союза! — еще раз, но уже громче и тверже окликает его Таня.

Слава растерян и немного смущен: конечно же, это к нему обращаются, это у него теперь такое гордое высокое звание. Но ведь его впервые так называли... Счастливо и чуть застенчиво улыбаясь, он вопросительно смотрит на Таню, прямо в глаза. Девушка краснеет, но говорит довольно бойко, почти без запинки:

— Мы вас не знаем, но от имени комсомольского комитета приглашаем вас к нам в школу на выпускной вечер...

Слава галантно спрашивает:

— А вы лично?

— Что — лично?

— Вы лично приглашаете?

— Конечно, — опустив глаза, отвечает Таня.

— Тогда приду. Когда у вас вечер?

— Двадцать первого июня... Мы очень,

очень вас просим. Вот пригласительный билет...

Мы видим на билете: 21 июня 1941 года.

Слышны звуки вальса. Рассвет. Из дверей школы выбегают Таня и Слава. Они явно убежали в самый разгар праздника и поэтому выглядят счастливыми заговорщиками.

Они идут по Москве, взявшись за руки.

Сиреневая дымка подернула небо. Спит город. Редко огонек мелькнет в окнах.

Белый пух тополя отрывается от деревьев и летит, кружит над идущими внизу под тополями Славой и Таней.

Голос.

Кто эта девушка? Не знаю,

Но вижу, как она горда...

Ее рука почти сквозная —

Еще не видела труда.

Ее зовут не Машей — Таней.

Вот первая ее весна...

— А ты готова к расставаньям? — неожиданно спрашивает Слава.

И как грозное эхо над их головами — голос:

А ты готова к испытаньям?

Сегодня началась война!..

Испуганное, вопрошающее, полное драматизма лицо Тани, как бы прислушивающейся к этим словам.

Постепенно возникают две широкие белые полосы, крестом перечеркивающие лицо девушки.

Это косой бумажный крест, наклеенный на стекло окна, через которое Таня смотрит на разыгрывающийся в небе воздушный бой.

Она прижала руки к груди, губы ее беззвучно шепчут:

— Слава, Слава мой, Слава...

А тот, о жизни которого она беспокоится, полулежит в удобной позе на земле среди полевых цветов и флегматично покусывает травинку. Тишина. Светит уютное солнышко. Стрекочут степные кузнечики, и ничуть не громче их татакает мотор учебного самолета. За его полетом и наблюдает майор Уфимцев.

Неподалеку белеет своими спокойными домиками станица. Длинной цепочкой растянулся по краю горизонта караван верблюдов.

Уфимцев обращается к сидящему рядом лейтенанту:

— Кто выполняет упражнение?

— Курсант Кожедуб.

— Переходите с ним на следующее задание.

— Есть!

Уфимцев поднимается и направляется к стоящему на дороге мотоциклу.

— Товарищ командир учебного отряда! —

догоняет его лейтенант. — Разрешите по личному вопросу.

— Валяй.

— Ты когда меня на фронтпустишь?

— Опять за свое! Я же тебе сказал.

— Я снова рапорт напишу.

Уфимцев становится сразу злой и официальный:

— Товарищ лейтенант! Вы здесь на посту. Вы готовите кадры. Ясно? А рапорт можете подавать — дело ваше.

Уфимцев с остервенением жмет на стартер мотоцикла и, оставляя хвост пыли, мчится в станицу.

Оставив мотоцикл у одной из калиток, Уфимцев с решительным видом шагает через двор к дому. Быстро проходит мимо трех молодых казаков, беседующих у плетня. Одна из них окликает:

— Товарищ Герой Союза, разрешите обратиться с вопросом? Что на фронте слышно? Беспокоимся... Наши-то парни, почитай, все там...

— Ну, раз ваши там — значит, на фронте все в порядке! — мрачно отвечает Уфимцев и входит в избу.

В избе живет генерал — начальник училища. Уфимцев, опустив голову, стоит перед генералом, а тот жестко, строго говорит:

— Заберите свой рапорт обратно. Остане-

тесь здесь. Какой же вы Герой? И какой вы подаете пример подчиненным? На фронт все хотят! А вы вот здесь попробуйте.

Генерала прерывает телефонный звонок.

— Слушаю! — с еще не остывшим гневом в голосе бросает он в трубку, но тут же тон его меняется на строго официальный. — Слушаю. Я, товарищ командующий.

Некоторое время генерал молча слушает то, что ему говорят, постепенно на лице его появляется жалобно-обиженное выражение и он, прижав руку к сердцу, умоляюще произносит:

— Товарищ командующий, я же боевой генерал. Какой из меня педагог?! Мое место там, в Действующей... Неужели вы меня не понимаете?... — И снова официально, но с грустью: — Слушаюсь. Всего хорошего, товарищ командующий.

Генерал мрачно кладет трубку, молча ходит по комнате. Достает из шкафа графин, две рюмки — одну наливает себе, другую поддвигает Уфимцеву. Ставит на стол миску с мочеными яблоками.

Выпили. Закусили. Помолчали. Генерал вздыхает:

— Не отпускают меня на фронт. Говорят, самое важное сейчас — это резервы.

Уфимцев нервно, почти кричит:

— Самое важное, самое важное! А бабы вон усмеваются: тыловой герой! Домой писать и то не могу — стыдно...

— Конечно, тяжело, — соглашается гене-

рал. — Я думаю, мы с тобой поэтому и собрались отсюда дезертировать: пускай, дескать, другие за нас отдуваются... А ведь это, по существу говоря, свинство!

Уфимцев ничего не отвечает и только смотрит на карту — большую, во всю стену.

Черные флажки, растянувшиеся от севера до юга, столпились вокруг Москвы, наступая на нее с трех сторон.

И, как бы отбиваясь от них, застучал пулемет...

И мы видим, как карта начинает приобретать рельефные очертания.

Мы видим, как черные флажки превращаются в эсэсовских солдат. Пригнувшись, прижимая к животам автоматы, бегут черные солдаты, бегут в атаку...

А навстречу летит светящаяся трасса пуль и выхватывает из растянувшихся в цепочку наступающих врагов черные фигуры — одну, другую, третью...

И частые выстрелы, и резкие залпы, и все звуки перекрывает отчаянное татаканье пулемета.

И перед нами уже не карта, а поле боя, и Кайтанов с окровавленной головой припал к пулемету.

Вражеские солдаты не выдерживают, начинают отступать. Кайтанов встает во весь рост — Ура-а! — и бежит вперед на врага, стреляя на ходу из ручного пулемета. За ним,

поднявшись с земли, устремляются солдаты его подразделения. В контратаку!

Разрывы артиллерийских снарядов покрывают поле.

Упрямо идут вперед ополченцы.

Когда-то это были люди разных профессий, а сейчас ученые мужи и худенькие юнцы в едином порыве отбивают врага от столицы.

Взрыв рядом с Кайтановым — и все завертелось: бой, небо, деревья, земля... И последнее, что видит тускнеющий глаз Николая, — какая-то травяная букашка, выросшая до огромных размеров. Вероятно, она ползает у самых ресниц и поэтому кажется огромной. Но вот и она стала мутнеть, расплываться — и постепенно все исчезло.

Завывает сирена. Гудки заводов.

«Воздушная тревога! Граждане, воздушная тревога!» — повторяет радио.

Леля лихорадочно одевает маленького Славику. Настойчивый звонок в дверь. Леля открывает — в дверях стоит Таня.

— Простите, мне нужно видеть Кайтанову Лелю.

— Ну это я, я! — резко, почти грубо отвечает Леля.

— Вы простите, я, кажется, не вовремя...

— В чем дело? — нетерпеливо спрашивает Леля.

— Вам ничего не известно про Славу Уфимцева?

Леля испуганно:

— А что с ним случилось?

— Не знаю. Это я у вас хотела спросить.

Он вам ничего не пишет?

— А кто вы такая?

— Его знакомая. Таня.

В это время радио опять оповещает:

«Граждане, воздушная тревога!»

— Пошли! — Леля бросает Тане плед, подушку, кошелку и, подхватив Славику, быстро идет в двери. — Идем! Скорее!

— Куда?

— В метро.

Перрон станции метро, заполненный людьми. На лежаках или брошенных на пол матрацах уложены детишки и старики. На узлах, принесенных сюда раскладных стульчиках, а то и просто стоя, опираясь спиной о колонны, пристроились остальные.

Один угол отгорожен белыми простынями, и там на топчанах и носилках — раненые из госпиталей. Забинтованные ноги, руки, головы. Белеют халаты сестер.

Леля и Таня примостились с краю на лежаке возле укутанного пледом и уже уснувшего Славику. Леля обнимает Таню за плечи.

Одиночество и тоска по любимым быстро связали этих женщин дружбой.

— Ты на Уфимцева не удивляйся. Он исчез и даже с нами не простился. Это с ним и раньше бывало.

Спасибо вам, Леля.

— За что?

— Поверили, что это серьезно... Я ведь понимаю, что это легкомысленно: один день знакомства — и уже любовь! Но ведь по-разному бывает? Можно годы присматриваться, а бывает день — как год... А потом вся жизнь — проверка. И не будет ошибки. Не надо смеяться надо мной! — Таня строго смотрит на Лелю. А Леля улыбается задумчиво и грустно.

— Не обижайся! Я вспомнила, как на себе Кайтанова женила. Было у нас так... — мечтательно, медленно говорит Леля. И тяжело вздохнула, как всхлипнула. — Я ведь сейчас могла его в тылу удержать. Когда он заявление подал, я же его начальницей была. Ну, меня, конечно, прежде всего спросили — отпускаю или нет. У нас на метро освобождают от армии, бронируют. А я взяла и сказала: иди, Коленька... А после всю ночь белугой проревела. Все у меня тут перемешалось — и война и семья... Протестовало сердце мое и велело...

Леля наклоняется над спящим Славиком, поправляет сползший плед, долго глядит на его безмятежное личико, и вдруг горячие слезы одна за другой катятся по ее щекам. Минута слабости проходит, Леля вновь овладевает собой и вдруг резко поднимается.

— Вот что, Танюша. Возьми ключ от квартиры. Кончится тревога, накормишь его и уложишь. Каша за окном стоит. А мне пора — я на шахту пошла.

Таня порывисто обнимает ее.

— А я верю, что все будет по-нашему!

Гнев, ненависть и сталь обрушила страна на захватчиков. Второй и третьей экспозицией проходят кадры зимнего наступления.

Тысячи орудий дают залп.

Кайтанов в бою.

Знакомый нам генерал — бывший начальник училища — по радио направляет атаку авиации.

Уфимцев ведет свой самолет на штурмовку.

Взрывы поднимают землю и снег в небо, а там сотни самолетов идут на запад.

Но вот их гул затих. Очистилось небо. И наступила тишина.

Мы снова взглянули на землю.

Откуда-то из подвала разбитого дома вылезает на снег обшарпанная, худющая рыжая кошка. Прищурилась, ослепленная светом, потянулась, прогнув спину. Перепрыгивая с камня на камень, взобралась на изогнутую балку и стала осматривать улицу.

На улице все еще следы недавнего боя: перевернутое орудие, дымки угасающего пожара. Куда-то спешат солдаты. Ходят саперы с миноискателями, и тянутся вереницей полузамерзшие люди в немецких шинелях с нелепыми опорками на ногах.

Кошка, жмурясь, пригрелась на солнце.

Кошка обернулась. Перед ней военный летчик — майор Уфимцев.

— Откуда ты, прелестное создание? — удивляется он.

— Мяу!

— Кис-кис-кис! — слышится с другой стороны.

Из подвала вылезает офицер в закопченном полушубке, старых валенках, в солдатской шапке. Это Кайтанов. Его трудно узнать, но светлые, ясные голубые глаза не изменились.

— Кайтанов?!

— Уфимцев?!

Друзья остановились друг против друга.

— Кошками занимаешься? — усмехается Славка.

— Кошками, — охотно соглашается Николай.

Друзья обнялись...

Кошка тем временем наладилась уходить.

Кайтанов замечает этот маневр и быстро хватается кошку.

— С собой возишь? — блеснул глазами Славка.

— С собой, — опять соглашается Кайтанов.

В подвальном помещении разрушенного дома в привычной для них полутьме живут люди. Трагичен и сложен их быт. Здесь детские пеленки сохнут на одной веревке с окро-

вавленными бинтами. По заиндевевшей стене двигаются причудливые тени от пламени большой паяльной лампы. Старуха лет семидесяти, тяжело приподняв эту лампу, разогревает над ее огнем большой кривой чайник.

Узкий луч холодного света, прорвавшись через пролом в потолке, освещает маленькую девочку. Она горько плачет.

Проходя мимо, Кайтанов отдает ей кошку и, освещая себе дорогу фонариком, ведет Уфимцева дальше, в глубь подвала.

Девочка моментально успокаивается и тут же заворачивает кошку в рваную тряпку.

Кайтанов и Уфимцев на командном пункте.

Здесь под каменными сводами, где спят на нарах солдаты, где дремлет у телефона дневальный и потрескивают поленья в железной печке, за перегородкой из плащ-палатки пристроились у грубо сколоченного стола Кайтанов и Уфимцев. Кайтанов поставил на стол фляжку, кружки и, открывая консервы, сказал, пожимая плечами:

— Вчера еще бой и черт знает что, а сегодня — глубокий тыл.

— А я вот все над городом да над городом. А в городе в первый раз. Думал, мирных-то жителей уж тут наверняка никого не осталось. И вдруг кошка... девочка... примус...

Уфимцев налил из фляги по кружкам:

— Давай за... за силу жизни! Вот за них, за мирных... За твоего Славика и Лелю...

— И за Таню, — добавил Кайтанов.
— Какую Таню? — насторожился Уфимцев.

— За твою Таню.

— Откуда про нее узнал?

— Я-то вот узнал. А ты-то знаешь, что у Тани дом разбомбило? Мать погибла. Отец на фронте пропал...

— Что ты говоришь?!

— То, что слышишь. Она сейчас у Лели живет. И на шахту работать пошла. Леля в ней души не чает... Ты почему ей не пишешь, сукин ты сын?!

— погоди ругаться, бригадир. Это дело сложное.

Уфимцев выпил. Кайтанов молчал. И тогда Славка признался:

— Знаешь, Коля, полюбить так никого и не смог. Маша вот только одна и была...

— Зачем же ты Таню с пути сбил? Такую девушку? — сурово посмотрел на друга Кайтанов.

— Я ее не сбивал... Сам сбился... Бывает... Когда встретил ее, показалось мне, будто... Не утаю — даже о любви разные слова ей говорил. В этом виноват. Каюсь.

— А она тебя ждет.

— Нет, Коля, нет! У нее это все тоже детская романтика была... Летчик, герой... И не ждет она меня, а только думает, что ждет.

— Кто его знает, кто его знает... — раздумчиво ответил Николай. — Может быть, ты и прав... Только вот у меня с Лелей вся

жизнь... Мне уж совсем плохо было, а она меня и верой в справедливость одарила и если хочешь, то и в победу тоже.

— Ты не равняй Таню с Лелькой! Леля — это... В общем, Леля — это особо...

И друзья задумались, уставившись на огонек копилки.

Сквозь колеблющийся огонь, заполнивший экран, проступает тревожное лицо Тани. Она, усталая, похудевшая, с кругами бессонницы под глазами, в грязной мокрой робе, в метростроевской каске, стоит у входа в госпиталь и напряженно вглядывается в лица раненых, которых проносят мимо нее в подъезд дома.

Это разгружают автомобиль очередного санитарного транспорта.

В каждом раненом Таня невольно ищет и боится найти Уфимцева.

А Уфимцев сидит в той же позе, уставив локти в стол и подперев голову большими ладонями:

— Да, Коля! Никто меня не ждет. Нигде... Вот разве только ты да Леля. Да еще Алешка Акишин. О нем чего знаешь?

— Не пишет. А может, и пишет Леле, да она скрывает, — усмехается Кайтанов. — Ведь у них там какие-то свои секреты.

— Ревнуешь?

— К Алешке-то? — Кайтанов смеется. —

Он, по-моему, от женщин как от чумы шарахается!

— Стесняется! — тоже улыбается Уфимцев. — Он всегда слабененьким был!

Затемнение. Мы еще ничего не видим — слышим только голос, прерывающийся от напряжения. Это голос Акишина:

— Нет, ты возьмешь. Я приказываю!

Мы видим лицо Акишина, оно покрыто крупными каплями то ли воды, то ли пота. Лицо искажено нечеловеческим напряжением, мукой, упрямой злостью.

— Я приказываю. Слышишь, приказываю, — твердит Алеша Акишин.

Теперь мы видим того, с кем говорит Акишин. Это матрос. Оба, матрос и Алеша, стоят возле торпедного аппарата по колено в воде. Подводная лодка потерпела аварию, очевидно, подбита и лежит на дне. Тусклым светом горит аварийная лампочка, неестественно положение пола, и только двое остались в лодке, и только один кислородный прибор, единственный шанс на спасение...

Акишин протягивает матросу кислородный прибор:

— В-возьми. Я приказываю.

— Алеша, а как же ты? Я не могу...

— Я приказываю! — только и повторяет Акишин.

— Да как же я жить буду? — с отчаянием восклицает матрос.

— Счастливо! — Акишин подталкивает матроса к торпедному аппарату. — Иди.

На зеленовато-голубых волнах плавают три человека. Пробивая толщу воды, всплывает на поверхность четвертый. Его подхватывают, снимают кислородную маску, поддерживают голову над водой, чтобы вволю надышался чистым воздухом. Он жадно глотает воздух, будто пьет.

— Тебя кто выбросил? Акишин? — спрашивают моряки.

— Должно, он...

— Воздуха теперь в лодке нисколько не осталось, — говорит один.

— Пропал теперь Акишин...

— А мы?

— Мы, мы? Вон берег-то.

— Не дотянем...

— А что Акишин говорил? Держись, ребята, мужества займы никто не даст!

— Пропал Лешка, пропал...

Голос.

Алеша милый, как же мы считали, что мал ты сам и что душа мала?

Бывало, «недомерком» называли

И обижали, не желая зла!

А вот сегодня, в звание краснофлотца

Выносливым ты оказался, брат...

Бывает, что струна не скоро рвется

И держит тяжесть дольше, чем канат!

Алеша с трудом дотягивается до карандаша и, преодолевая сон удушья, медленно выводит буквы на уже исписанном листе вахтенного журнала.

И под записью:

«...Потоплено два транспорта с оружием...

Повреждено управление лодки...

Убит командир...

Легли на дно...»

— появляются слова:

«...Любимая моя...

Всю правду...

В первый раз...

Я никогда себя не выдавал...»

«...Бомбят глубинными...

Разбита стенка центрального поста...

Душит углекислота...»

Это запись вахтенного журнала, а под ней опять пишет Акишин:

«...Не жалею меня.

Я был счастлив тем, что так тебя любил...

Не стану врать, будто мне сейчас не страшно...

Друзей моих за меня обними.

И сына твоего...

Гаснет лампочка. Настал мой срок. Прощай».

Прощаясь с нами, смотрит с экрана Акишин, тяжело хватаят он губами воздух, словно высасывая из него последние остатки кисло-

рода. И как мысль его, как завещание звучит песня:

Комсомольцы,

Добровольцы;

Надо верить, любить беззаветно,

Видеть солнце порой предрассветной,

Только так можно счастье найти.

Костенеющей рукой Акишин подписывает свое последнее письмо:

«Акишин. Кок и торпедист».

и совсем уже неровными, набегавшими друг на друга буквами:

«Коля, Славка, ребята, друзья, я с вами...».

Еще не затихла песня, и снова белый крест бумажных полосок проступил на экране. Но на этот раз Лелина рука смывает его со стекла. И она распахивает окно.

— Ну вот и все!— говорит Леля.

— Скоро и наши вернутся,— подходит к ней Таня, тоже с тряпкой в руке.

Леля грустно улыбается, с сомнением качает головой.

— Нет, этих скоро не жди! Твой еще куда-нибудь подастся, а мой обязательно начнет метро в Берлине восстанавливать... Не-ет. Раньше зимы и не надейся на встречу.

И вот зима.

Падает снег на черепичные крыши аккумуляторных поселков, не очень пострадавших от войны.

Сумерки. Крупными хлопьями падает ко-
сой снег. Видна дорога с несколькими уста-
ревшими плакатами на фанерных щитах.

По дороге идет старый грузовик с при-
тороченной в углу кузова бочкой бензина.
В кузове устроился рядом с бочкой офицер.
Воротник его шинели поднят не по-военному.

Зрители, быть может, угадают, что это
Кайтанов, а может быть, просто подумают,
что это возвращающийся домой какой-то офи-
цер. А то, что он возвращается, станет ясно,
если мы обратим внимание на дорожные
указатели: машина следует в направлении
Москвы, навстречу стрелкам, указывающим
путь на Берлин.

На контрольно-пропускном пункте строгая
регулирующая в полушубке и шапке-ушанке
говорит шоферу:

— Тут летчик один попутную ждет. Возь-
мите!

Шофер жестом указывает, что можно за-
лезать в кузов, и добавляет:

— Папиросочку с вас, товарищ начальник!

Неясная фигура в кожаной меховой курт-
ке, с двумя чемоданами появилась из мрака.
Это Слава Уфимцев. Щелкает портсигар.

— Ах! А я думал, «Казбек»! — разочаро-
ванно говорит шофер.

— «Казбек» далеко, кури трофейные.

Уфимцеву явно хочется в кабину к шофе-
ру. Он открывает дверцу, но там сидит ста-
руха.

— А вы далеко следуете, бабушка?

— Домой, милый, домой!

— А откуда путь держите?

— Из Парижу, сынок. Была я граждан-
ская военнопленная.

— Вишь куда тебя, бабушка, фашисты
загнали, а?

— И не говори...

— А мы доберемся и в кузове!

Уфимцев забирается в кузов, устраивается
на его неудобной территории, мало обращая
внимания на второго попутного пассажира.

Кончились домики с черепичными крыша-
ми. Иной пейзаж разворачивается по обеим
сторонам дороги...

...Наша страдавшаяся Родина.

Деревни, где стоят не дома, а только пе-
чи и лишь невысокие холмики землянок с ан-
теннами или дымом свидетельствуют о том,
что здесь сохранилась жизнь...

Города с разрушенными домами и лест-
ничными маршами, ведущими прямо в небо...

Труба завода, у вершины косо срезанная
снарядом...

Офицер пытается раскурить трубку, но
спички гаснут мгновенно. Уфимцев достает
зажигалку, разворачивает свою плащ-палат-
ку, накрывается вместе с офицером с головой.
Засветилось узенькое пламя, блеснули глаза.

— Коля?!

— Славка?!

И друзья повели разговор так, словно не-
ожиданность встречи для них нечто обыден-
ное.

— Тебя сразу почему не отпустили? — спрашивает Уфимцев Кайтанова.

— Метро я у них восстанавливал. Унтер-грунд. А ты чего тут делал?

— Польских летчиков обучал. И самолеты им дарил. Работенка!

Грузовик подсакивает на ухабах, и Славка смеется:

— Ничего себе, персональный грузовичок у тебя! Тебе что, на поезд литеры не полагается?

— Ах чужак человек! Нам бы вообще ехать не надо — пешком бы! Да в каждом памятном месте остановка. В каждый знакомый дом зайти.

Славка хитро улыбнулся.

— Ну, в каждый не обязательно! Но кое-какие знакомства у меня на этой трассе имеются.

— В этом я не сомневаюсь! Ну, а московскую ситуацию ты осознал?

Славка задумался.

— Не знаю, Николай, как быть...

— Она тебя больше четырех лет ждала. Любит тебя...

— Любит! День видела, четыре года ждет!.. Удивительный народ женщины!

— А ты? Любишь?

— Спроси у меня что-нибудь полегче, бригадир!

Мерцающая задним фонариком, уходит вдаль грузовик.

Голос.

Подумают люди — тут нет ли обмана? Поверить ли этому доброму чуду? Как будто нарочно, как пишут в романах, Встречаются эти ребята повсюду.

Я сам удивлен совпадением немного. Но в нем ни фантазии нету, ни вздора: Ходите не с краю, а главной дорогой — И встретите всех, кто вам близок и дорог!

Квартира Кайтановых. Спит в своей кровати уже сильно подросший Славик. Леля приготовилась ко сну и склонилась над сыном, поправляя подушку.

Стук в дверь.

— Танюша, посмотри, кто там...

Таня поднялась с дивана, отложила книгу и пошла открывать. В прихожей послышались голоса, и у Лели, прислушивающейся к тому, что там происходит, вдруг как-то странно перекосило лицо, перехватило дыхание, и она бросилась из комнаты.

Мы не видим, как произошла встреча. Мы видим только спокойно спящего Славика, но слышим легкий вскрик, почти стон Лели, затем голос Кайтанова. Затем его крепкие руки вынимают Славика из постели, и отец крепко прижимает мальчика к своей груди. А на плече у него повисла Леля, она трется щекой о шершавую шинель.

Из прихожей раздается жалобный голос Уфимцева:

— Ребята... Помогите!

Кайтановы выбежали и увидели, что Слава с трудом держит в руках потерявшую сознание Таню.

Леля побежала за водой.

А Кайтанов подмигнул приятелю:

— Ну вот тебе и решение всех проблем!

— И не говори!— ответил вконец растерявшийся Уфимцев, поглядывая на лежащую у него в объятиях стройную и вдвойне красивую от бледности девушку.

...А под утро, как и тогда, в день возвращения Славы из Испании, сидят друзья, вспоминая прошлое и думая о будущем. Но на этот раз их четверо.

Как и прежде, Слава перебирает струны гитары. Таня не в силах оторвать взгляда от лица любимого.

Кайтанов лежит на кушетке, положив голову на колени жены.

А со стены смотрят два портрета навеки незабвенных друзей—Алеши Акишина и Маши.

— Вот что, ребята,— прерывает молчание Кайтанов.— А правильно ли мы все-таки жили? И дружили как-то скупно и любили друг друга, словно стеснялись! Леля, я тебе когда-нибудь говорил красивые слова?

— Не помню,— с нарочитой серьезностью отвечает Леля.

— Вот! Пожалуйста! Это же возмутительно! Теперь— все! Каждый день буду говорить тебе красивые и ласковые слова...

— Ты начни сейчас,— лукаво перебивает его Леля.

— Пожалуйста. Мм-да... вот: Леля! Ну как?

— Ничего,— одобряет Леля с улыбкой.— Еще!

Еще? — Кайтанов задумался: — Лелечка!

— Тоже хорошо. Еще!

Кайтанов теряется и тут же, рассмеявшись, решительно рубит ребром ладони воздух.

— И вообще начинаю жизнь сначала. Во-первых, из дому больше никуда...

Леля счастливо и недоверчиво улыбается.

— А вот посмотришь,— настаивает Кайтанов.— Сын вырос, а много ли я с ним был? Больше никаких разлук. Баста!

А Слава, перебирая струны гитары, поет:

Вот так и живем, не ждем тишины,
Мы юности нашей, как прежде, верны,
И сердце, как прежде, горит оттого,
Что дружба превыше всего.

А годы летят, наши годы, как птицы,
летят,

И некогда нам оглянуться назад.
И радости встреч, и горечь разлук —
Мы все испытали, товарищ и друг.
А там, где когда-то влюбленными шли,
Деревья теперь подросли.

А годы летят, наши годы, как птицы,
летят,

И некогда нам оглянуться назад.
Не созданы мы для легких путей,
И эта повадка у наших детей.
Мы с ними выходим навстречу ветрам,
Вовек не состариться нам.

А годы летят, наши годы, как птицы,
летят,

И некогда нам оглянуться назад.

Пока звучит песня Уфимцева, на экране происходят удивительные превращения.

После второго куплета глаз аппарата прошел по портретам Акишина и Маши, скользнув по счастливым лицам Николая и Лели...

А третий куплет этой песни поет уже не полковник, а генерал Уфимцев. Такой же Славка, каким был он всю жизнь, только седой, скорее повзрослевший и возмужавший, чем постаревший.

Кое-что изменилось в квартире Кайтановых, но больше всего изменились люди: песня пронесла нас через годы. Прошли они быстро, пролетели, как птицы, восемь, может быть, десять лет. И когда Уфимцев поет последний куплет песни, уже нет в комнате Николая Кайтанова, а на тахте сидит Леля в строгом платье. Серебро тронуло ее черные волосы, только глаза по-прежнему молодые.

Напротив Уфимцева — Таня. Она, пожалуй, не слишком сильно изменилась, но пополнила, стала солиднее, спокойнее.

Нет! Не похожа она на ту девочку, что на Красной площади встретила молодого Героя и пригласила его на школьный выпускной вечер.

Рядом с Таней девочка лет семи: юное поколение Уфимцевых.

Мужчины из семьи Кайтановых отсутствуют в этой сцене. На каком-нибудь далеком строительстве, наверно, сейчас Николай; ведь клятве его всегда сидеть дома никто не поверит. А Славик Кайтанов? Куда он делся, мальчишка-непоседа?

Отставив гитару, Уфимцев спрашивает у Лели:

— Ну сколько же можно ждать? Где же именинник?

— Мой именинник ушел в ночную смену, обещал пораньше вернуться и исчез на все воскресенье, — чуть печально отвечает Леля.

Дочка Уфимцева просит у родителей разрешения пойти побегать во двор.

— Иди, только мальчишек не бей, — напутствует ее отец.

Оставшись втроем, Леля, Уфимцев и Таня ждут младшего Кайтанова. Конечно, Уфимцев заводит какие-то утешительные разговоры и подшучивает над Лелей, над семьей Кайтановых, в которой глава семейства годами пропадает на строительстве, сын дни и ночи проводит на своем заводе, а мама даже дома разговаривает тоном начальницы, будто она на своей шахте.

— Здесь даже в свой день рождения име-

нинник домой не является,— подтрунивает Уфимцев.

— Есть с кого пример брать,— сердится Леля.— Папа вот тут клятву давал, что из дому ни на шаг, и, конечно, тут же уехал, а дядя Слава когда уезжает вообще не говорит куда.

Уфимцев пытается отшутиться, но получается это у него не очень убедительно.

Леля показывает телеграмму Кайтанова.

— Хорошо, хоть сыну на день рождения телеграмму прислал.

Уфимцеву опять приходится успокаивать Лелю.

— Ничего, скоро сам приедет.

— Ну да, я это «скоро» всю жизнь слышу,— грустно говорит Леля.

Опять Уфимцев ищет оправдания.

— Ну, а как же быть-то, Лелечка? Ты сама знаешь, сколько дел у нас на земном шарике, и чуть что — все-таки нас посылают.

Тут вступила в разговор Таня.

— Да перестань. Видите ли, их посылают. Сами везде первыми лезете, а потом говорят — посылают.

В это время в комнату врывается Славик. Как он вырос! Мы видели его совсем маленьким, видели школьником, видели подростком, а сейчас это взрослый парень в люстриновой спецовке, плечистый и крепкий. Не будем скрывать, что волосы он причесывает по моде и Жерар Филип оказал свое влияние на его каштановую шевелюру. Лицо Славика в

полосах сажи или машинного масла, руки он держит так, как держат их люди, боящиеся измазать соседей.

Славик явно спешит, схватил со стола бутылку, откусил сразу огромный кусок.

— Явился наконец!— вздыхает Леля.

А старший Слава, стараясь быть как можно солиднее, голосом воспитателя и наставника спрашивает у своего тезки:

— Ты где пропадал?

— Дело неожиданное, — оправдывается Славик, — понимаете, в Японии случилось землетрясение, и наша бригада решила отработать еще одну смену в фонд помощи пострадавшим.

Леле явно нравится, что сын ее такой вот чумазый, такой вот спешащий, почти вдохновенный, но она хочет казаться строгой, хочет выглядеть сама посолоннее.

— Немедленно пойд и смой грязь, — требует она.

— Это не грязь, — категорически заявляет Славик. — Это машинное масло. И ты прости меня, мама, я на минуточку забежал, всех повидать. Мне, понимаешь, надо...

Славик загребает пригоршню конфет, и уже с порога комнаты кричит:

— Тороплюсь. Ребята ждут!

А Слава Уфимцев исподтишка поглядывает на ручные часы, надевает фуражку. Таня упрекает мужа.

— Вот оно, влияние дяди Славы,— младший тезка даже в свой день рождения только на минуточку забежал домой.

— Начинается проработочка,— констатирует Уфимцев.— Ну, а я поеду на футбол, скоро вернусь.

— Куда же ты в форме?— сокрушенно кричит ему вслед Таня и объясняет Леле:— Я его в форме на футбол не пускаю, он там кричит, вопит, фуражку вверх кидает, соседей хватает за локти.

— Молодец! — говорит Леля. — Сумел такую жизнь прожить и в душе еще мальчишкой остаться.

По двору кайтановского дома, мимо дочки Уфимцева пробегает Славик Кайтанов. У ворот его ожидают товарищи. Такие же, как он, парни в спецовках, кепках и беретах. Ими полон кузов грузовика, и они втаскивают Славика через борт. Упрекают его, что долго,— наверно, целых пять минут — пришлось его ждать.

Славик раздает товарищам конфеты и, конечно, первую конфету дает тоненькой девушке. Она в платочке, но уже не кумачовом, какой носила Леля, а красном с рисунком, с надписями — такие платочки по всему миру разошлись как память о фестивале в Москве.

В кузове грузовика Славик рядом с этой девушкой, и она смотрит на него с затаенной радостью.

Грузовик уносится по широкой московской магистрали.

И вот уже по двору, торопливо погладив дочку по волосам, проходит Слава Уфимцев. У ворот его дожидается «Волга».

— На аэродром,— лаконично бросает он бесстрастному шоферу.

В комнате Кайтановых остались Леля и Таня. Опять, как в военные годы, они одни. Задумались о чем-то, помолчали.

— Скажи мне, Леля,— медленно говорит Таня,— только откровенно. Вот вы с Николаем прожили целую жизнь, а тебе иногда не бывает жалко себя? Ну был бы у тебя какой-нибудь другой человек, поспокойнее, были бы вы всегда вместе.

— Нет,— отвечает Леля и задумчиво произносит:— только Николай.

Леля словно вглядывается куда-то вдаль.

И на экране возникает панорама гигантской стройки.

Как могучие стальные птицы, вздымаются над бетонными балками плотные порталы. Краны, медленно поворачивают они свои стальные клювы.

Тяжелые грузовики движутся по пыльной дороге.

На подножке одного из грузовиков — Николай Кайтанов. Лицо его в пыли, и волосы

серы — может быть, от этой пыли, а может быть, просто потому, что прошли годы.

Кайтанов прыгивает с подножки самосвала, идет по котловану будущей электростанции. По лестницам-временкам поднимается он на плотину.

Наверху на металлических конструкциях работают монтажники и сварщики.

Он идет тяжело дыша, наш старый друг и товарищ. На нем светлый мешковатый костюм, из кармана торчит логарифмическая линейка.

Совсем не по-начальнически заложив два пальца в рот, свистит он, как голубятник, чтобы обратить на себя внимание сварщиков среди этого грохота стройки.

— Не видели вы дядю Сережу? — кричит, задрав голову кверху, Кайтанов сварщикам.

Оказывается, дядя Сережа только что был здесь, но полез куда-то наверх.

Кайтанов забирается на самый верх многоэтажного быка плотины. Здесь, прикрепившись цепью к стальным прутьям, работает сварщик. Лица его не видно, оно прикрыто маской с черным стеклом.

И у него спрашивает Кайтанов:

— Дядю Сережу не видел?

Сварщик, не отвечая, показывает рукой в брезентовой перчатке направление, куда якобы ушел дядя Сережа.

Но, кажется, Кайтанова не обманешь.

— Снимай маску, — повелительно говорит он.

Сварщик мотает головой, и Николай сам подымает его маску. Ну, конечно же, перед нами несколько смущенное морщинистое лицо дяди Сережи.

— Тебе ж врачи запретили, что ты здесь лазишь? — корит его Кайтанов. — А я бегаю по всей стройке, тебя ищу.

— Не бегай, — возражает старик. — Ты начальник, посыльных посылай, депеши.

— Раз на пенсию вышел, так отдыхай, а не лазай по стройке! — сердится Кайтанов.

— Вот когда сам на пенсию выйдешь, узнаешь, какой это отдых, — ворчит дядя Сережа. — Ты меня стариком не считай. Сам-то смотри как бегаешь, вот задохнулся, пока до нашего десятого этажа добрался.

У Кайтанова к дяде Сереже серьезное дело. Только что пришло предложение принять под начало самую северную стройку Советского Союза. И, конечно, не то чтоб за советом, но чтоб найти подтверждение своим мыслям пришел он к своему старому парторгу.

— Поедешь со мной?

Дядя Сережа отвечает не сразу. Он будто и недоволен, что опять предстоит дорога, что опять надо начинать строительство, осваиваться на новом месте. Но знает старик своих питомцев, знает, что Кайтанов любит его, что трудно ему было бы без старшего друга. Да и дядя Сережа давно уж сроднился с Николаем.

— Сюда притащил, тащи и дальше, — ворчливо, но с улыбкой говорит дядя Сережа.

И они идут по котловану — старый парт-орг и немолодой начальник строительства, идут широким шагом строителей и хозяев. С ними здороваются шоферы самосвалов, их узнают девушки в клетчатых ковбойках и сатиновых шароварах, молодые очкастые инженеры, мальчишки-ремесленники.

Кайтанов уже полон нового волнения.

— Грандиозной трудности стройка нам поручается. Комсомол теперь на Север двинулся, на Восток. Ох и много там работы с молодежью будет.

— А я тоже молодежь, только на пенсии, — шуточно вторит ему дядя Сережа.

На фоне панорамы великой стройки у еще не спущенного в землю, но уже смонтированного трубопровода стоят Николай и дядя Сережа.

— Через Москву поедem, — думает вслух Кайтанов, — Лельку, сына повидаю. Может, и Славка Уфимцев там. Давно я его не видел.

— Повидайтесь, повидайтесь! А то разлетелись в разные стороны, забывать друг друга стали, — бурчит старик.

Ласково смотрит на старого парторга Кайтанов и, достав из кармана какую-то бумагу, передает ее дяде Сереже.

— Нет, не забудем мы друг друга! — говорит Кайтанов, и мы видим, что в руках у дяди Сережи тот лист из вахтенного журнала, на котором поверх записи о последних часах жизни экипажа подводной лодки квадратны-

ми буквами написал Алеша Акишин прощальное письмо своим друзьям и Леле.

Тяжело вглядываясь в бумагу, молча читает дядя Сережа последние слова Алеши Акишина.

Кайтанов рассказывает ему, что теперь, через много лет после окончания войны, со дна Черного моря подняли затонувшую подводную лодку. В ее лишенном воздуха сохранившемся отсеке, как живой, склонился над вахтенным журналом матрос Акишин.

Морское командование разыскало генерала Уфимцева и передало ему последние строки погибшего друга. А Уфимцев, конечно, переслал их бригадиру. Нахлынули на дядю Сережу воспоминания, повлажнили его глаза.

— Говоришь, генерал тебе Алешино письмо переслал, ну, а сам-то как живет теперь? Летать не бросил?

— Что ты, дядя Сережа! — с нежностью говорит Николай. — Славка же знаменитейший летчик-испытатель. Не смотри, что генерал.

На экране — синее небо, кучевые облака. Сквозь них проносится стремительный самолет с короткими, отведенными назад крыльями.

Бешеный рев реактивного истребителя.

В герметической кабине — летчик в кислородной маске, сквозь очки видны его глаза, веселые, задорные глаза Славки Уфимцева.

На аэродроме научно-исследовательского

института летчики и конструкторы наблюдают за испытаниями нового самолета.

Самолет штопором идет к земле.

— Пора выводить,— вырывается восклицание у одного из наблюдающих.

Как от удара, съеживается старый конструктор. Он чувствует, что там, далеко в небе, с его машиной что-то произошло, она никак не может выйти из штопора.

Замешательство на аэродроме.

— Теперь не выводить, теперь прыгать надо!

Но там, в облаках и синеве, спокойны и уверенны быстрые движения рук Уфимцева. Он и не собирается прыгать. Он еще не все выжал из этой новой машины, не все возможности использовал.

Сквозь гул самолета мы слышим взволнованный голос Тани:

— Слава, Слава!

Таня у телефона в своей комнате, лицо ее растерянно, из глаз вот-вот польются слезы.

— Слава, ты слышишь меня? Слава, почему ты так давно не звонил?

А в ответ тихий, несколько приглушенный голос Уфимцева:

— Я на рыбалку ездил!

И мы видим нашего летчика в больничной палате. Он весь в бинтах, нога его на та-

лях подтянута кверху. Щекой и ухом прижимает он к подушке телефонную трубку.

Как всегда, он честно обманывает свою Таню.

— Собрались товарищи, поехали на рыбалку, телефона под рукой не было.

— А сейчас ты где?

— На даче у приятеля,— настаивает Уфимцев на своей святой неправде.

Чем бы ему утешить свою подругу? Вот он клянется и божится чужими голосами, будто от имени своих товарищей подтверждает, что он на даче, на отдыхе.

Но разве может Таня ему поверить? Такие «рыбалки», наверное, не впервые в их жизни.

— Врешь ты все и про дачу и про рыбалку,— сквозь слезы говорит Таня.— Опять, наверно, что-нибудь сломал. Что ж с тобой сделаешь — главное, жив.

— Ну вот видишь, любимая, ты все понимаешь. А я вот лежу и думаю-думаю — и никак понять не могу: за что ты меня пять лет ждала?

— Слава, Коля Кайтанов приехал,— сообщает Таня.

— Это хорошо,— говорит Уфимцев,— у Лели радость наконец. Заждалась.

Внезапно его самого охватывает бурная радость.

— Счастливые мы все-таки с Николаем ребята,— взволнованно, тепло, проникновенно говорит летчик.

В квартире Кайтановых за столом Николай и Леля. Николай передает жене последнее письмо Алеши Акишина. Невыносимо тяжело читать Леле прощальные строки друга. Она прижалась щекой к плечу Николая.

Чем ее утешить?

Кайтанов ласково и неуклюже повторяет те слова, что всегда говорил ей при их редких встречах.

— Леля, Лелечка!

Скоро опять уезжать Кайтанову. Но на этот раз они уже поедут вместе, обязательно вместе. Он даже не будет возражать, если Лельку снова поставят над ним начальником.

Леля не отвечает, но видно, что она согласна.

— Знаешь, о чем я думал в разлуке? — говорит Кайтанов жене. — Вот вернусь домой, и поедем мы с тобой в Сокольники, на наше место. На то самое. Помнишь?

— Найдем ли?

— Найдем.

— Там теперь, поди, все переменялось, деревьев выросли.

Ажурные ветви кустов и деревьев... И летний закат. Сквозь нарождающуюся листву, среди тропинок и просек проходит влюбленная пара.

Это Славик младший и его подруга, которую мы видели среди ребят на грузовике.

Славик уже не в спецовке, а в белой рубашке и свитере с замысловатыми узорами.

Его девушка в легком платье, на плечи ее накинута косынка.

Г о л о с .

Они заблудились меж просек оленьих,
Под сенью берез и весенних созвездий.
Влюбленные нынешнего поколенья,
Как просто вам стало в Сокольники

ездить.

И новая юность поверит едва ли,
Что папа и мама здесь тоже бывали.

Славик и девушка останавливаются на том самом мостике, где когда-то стояли Кайтанов и Леля.

Счастливые и молодые, идут они дальше по теряющейся в тумане аллее, среди нежной, еще не пропыленной листвы и красок весеннего заката.

Они идут по той дороге, где шли когда-то Кайтанов и Леля.

ФИЛЬМОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Фильм по сценарию Е. Долматовского и Ю. Егорова поставлен киностудией им. М. Горького в 1958 году.

Режиссер-постановщик Ю. Егоров.

Главный оператор И. Шатров.

Художник П. Пашкевич.

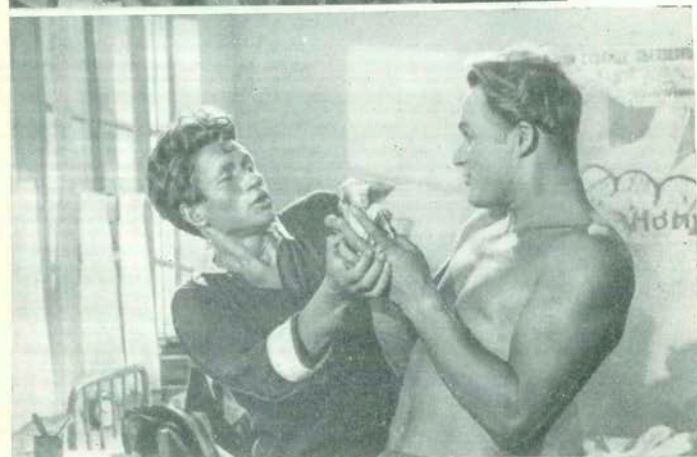
Композитор М. Фрадкин.

Звукооператор А. Избуцкий.

Роли исполняют:

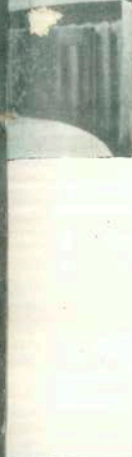
Кайтанов — М. Ульянов, Уфимцев — П. Щербаков, Акишин — Л. Быков, Леля — Э. Быстрицкая, Маша — Л. Крылова, Таня — М. Дроздовская, дядя Сережа — С. Плотников, Оглотков — В. Чекмарев, генерал — Н. Колофидин, доктор — А. Сашин-Никольский.

КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМА

Евгений Аронович Долматовский
Юрий Павлович Егоров

ДОВОЛЮЩЕ

Редактор Т. Е. Королькова
Оформление художника И. С. Клейнарда
Художественный редактор Э. Э. Ринчина
Технический редактор В. А. Горина
Корректор Р. Г. Панфилова

Подп. в печ. 12/XI 1959 г.
По оригиналу-макету
Форм. бум. 70×92¹/₃₂. Печ. л. 3,25 (условных 3,8)
Уч.-изд. л. 3,61. Тираж 10 000 экз. Ш07985

«Искусство», Москва, И-51, Цветной бульвар, 25
Изд. № 15268, Зак. тип. № 1182

Московская типография № 8
Управления полиграфической промышленности
Мосгорсовнархоза
Москва, 1-й Рижский пер., 2
Цена 2 р.

Юрий Павлович Егоров родился в 1920 г. в г. Сочи. Его путь в искусство был довольно сложным и неожиданным. Окончив среднюю школу, он поступил в Московский авиационный институт.

Будучи студентом, он становится одним из организаторов и артистом самодеятельного студенческого театра. Когда началась Великая Отечественная война, он добровольцем ушел на фронт. После ранения вернулся к учебе, но вскоре уезжает на фронт с концертной бригадой.

После окончания войны Ю. Егоров поступает во ВГИК. Участь в киноинституте, как артист и режиссер-практикант принимает участие в создании фильма «Молодая гвардия».

В 1950 г. совместно с Ю. Помещиковым им написана пьеса и поставлен спектакль в театре киноактера «Три солдата».

В 1953 г. Ю. Егоров поставил на студии им. М. Горького фильм «Случай в тайге». На той же киностудии он ставит фильмы «Море студеное», «Они были первыми», «Добровольцы».

Занимаясь постановкой картин, Ю. Егоров не бросает и работу сценариста — «Они были первыми», «Повесть о монтере и его друзьях», «Добровольцы» написаны при его участии.

